

Э. Р. РАДНАЕВ

БАРГУЗИНСКИЙ ГОВОР

В этой работе баргузинский говор исследуется на материалах, собранных, главным образом, самим автором в течение ряда лет. Кроме того, были использованы и диалектологические материалы, хранящиеся в РО БКНИИ СО АН СССР¹.

Особенности баргузинского говора по возможности даются в сравнительном плане с родственным ему эхирит-булагатским говором, так как баргузинские буряты — это эхиритцы, переселившиеся в XVII в. в Баргузинскую долину. Носители исследуемого говора имели и имеют некоторое общение с хоринскими бурятами и не могли не подвергнуться их языковому влиянию. Поэтому баргузинский говор сравнивается с хоринским диалектом и литературным бурятским языком, в основу которого лег этот диалект.

Тем не менее ввиду территориальной изолированности внутренней языковой процесс говора баргузинских бурят шел обособленно. Изучение этого говора позволило обнаружить ряд его особенностей, отличающихся от других говоров, причем эти особенности носят настолько своеобразный характер, что вполне правомерно говорить о самостоятельном баргузинском говоре.

Вместе с тем говор баргузинских бурят продолжает сохранять основные особенности, присущие родственным западным говорам.

В лингвистической литературе относительно интересующего нас говора имеется ряд высказываний общего характера. Так, А. Орлов исследуемый говор по территориальному признаку относит к группе говоров хоринских, кударинских и других бурят, находящихся по ту сторону озера Байкал². В группе бурятских диалектов и говоров баргузинский говор наиболее точно впервые был определен А. Д. Рудневым³. Он относит этот говор к северным (добайкальским) говорам (баргузинский, нижеудинский, аларский, балаганский, тункинский, эхирит-булагатский, кудинский, капсальский, унгинский). При этом он заметил, что баргузинский говор по географическому расселению — забайкальский, по языку — добайкальский⁴. Г. Рамstedт, хотя и относит говор баргузинских бурят к забайкальскому наречию, все же считает его также «близким к добайкальскому»⁵. Б. Я. Владимирцов высказывает мысль о переходном характере этого говора между северным и южным наречиями: «Баргузинский говор является переход-

¹ РО БКНИИ, инв. №№ 1732, 1734, 2704, 1728, 1725.

² См.: А. Орлов. Грамматика монголо-бурятского разговорного языка. Казань, 1878, стр. VII.

³ См.: А. Руднев. Хори-бурятский говор. Пг., 1913—1914, вып. III, стр. 0124.

⁴ См. там же, стр. 0124.

⁵ Г. Рамstedт. Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халхаско-ургинского говора. СПб., 1908.

ным говором, близким как к северной, так и южной группе¹. Д. А. Алексеев, ввиду переходности данного говора, считает трудным отнесение его к какому-либо диалекту: «Язык тункинских, окинских, баргузинских, кабанских бурят в настоящее время трудно отнести к одному из наречий»². Но он в поздних своих работах выделяет его как самостоятельный говор³. Г. Д. Санжеев исследуемый говор вместе с кабанским говором считает кабанско-баргузинским диалектом⁴.

ИЗ ИСТОРИИ БАРГУЗИНСКИХ БУРЯТ

Носители баргузинского говора в административно-территориальном отношении в настоящее время проживают в основном в Баргузинском районе Бурятии⁵. Этот район расположен на восточном и юго-восточном берегу Байкала и граничит на севере с Северо-Байкальским, на юге — Прибайкальским, на юго-востоке — Баунтовским, Хоринским, Еравнинским (через горные хребты) районами.

Население Баргузинского района состоит из русских, бурят и эвенков. Примерно больше половины от общего количества населения составляют буряты. В этом районе буряты в настоящее время живут: 1) в улусах Баянгольского сельсовета: Баянгол (по-бурятски *Баян-Гол*), Харасун (*Харуу'ан*), Ярганта или Уржил (*Ярганта*, *Уржэл*), Таллы (*Таала*), Соёл (*Суял*); 2) в улусах Улюнского сельсовета: Улюн (*Улан*), Хилгана, Улигчихан (*Улагшахаан*), Униган, Нур; 3) в улусах Харамодунского сельсовета: Аргада (*Аргата*), Шартал (*Шара-Тала*), Уныгытей (*Унэгэтэй*), Тохиной (*Тоохиной*), Турахин (*Тураахин*), Саган-Нур, Сасандай (*Саһандаа*), Хутырхэй (*Хүтэрхэй*), Засхалик; 4) в улусах Гаргинского сельсовета: Разгон (*Арсагуун*), Тунген (*Тунгээн*), Угнасай (*Угнаасаа*), Гарга; 5) в улусах Могойтинского сельсовета: Сахули (*Һахули*), Шургур Могойто; 6) в улусах Дыренского сельсовета: Алла, Ягдык (*Ягдаг*), Хучигэр (*Хүшэгээр*), Нама, Аян, Тассы (*Тааса*); 7) в улусах Мургунского сельсовета: Курумкан (*Хурамхаан*), Мургун (*Мүргэн*), Топка (*Тоопхо*), Томокто; 8) в улусах Барагханского сельсовета: Барагхан (*Бархан*), Галтай, Хонхино, Элесун (*Элүү'эн*), Харгана, Турахин.

Все вышеперечисленные улусы были охвачены нами при исследовании говора.

Улусы баргузинских бурят расположены по обеим сторонам реки Баргузин. Вся территория Баргузина делится на Верхнюю и Нижнюю долины (*Дэгдэ*, *Досдо гол*). На правой стороне среднего течения реки Баргузин расстилаются две платособразные степи Куйтуны (*Хүйтэй*), с круто спускающимися к реке берегами.

Баргузинские буряты в прошлом занимались, как и другие буряты, преимущественно скотоводством. Наряду со скотоводством они занимались и земледелием⁶. По данным 1897 г., как сказано в «Истории

¹ Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929.

² Д. А. Алексеев. Диалекты бурят-монгольского языка. «Уч. зап. ЛГУ». 1949, № 98, стр. 165.

³ См.: его же. «О территориальных диалектах бурят-монгольского языка», стр. 86—87.

⁴ См.: Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. I, М., стр. 42.

⁵ Основная часть баргузинских бурят живет ныне в Баунтовском районе, а также в Читинской области.

⁶ Между прочим, в одной из летописей баргузинских бурят причина слабого развития земледелия в Баргузине объясняется якобы отсутствием черноземных оро-

Бурятской АССР», в Баргузинском ведомстве насчитывалось 2332 хозяйства. По количеству крупного рогатого скота, овец буряты этого ведомства тогда уступали только бурятам Агинского ведомства¹.

Другие виды хозяйства, такие, как рыболовство и охота, были развиты слабо. Основной отраслью экономики баргузинских бурят являлось скотоводческо-земледельческое хозяйство, особенно скотоводческое, которое не случайно наиболее шире и богаче представлено в лексике говора. Что касается земледелия, то в прошлом оно в Баргузине было развито недостаточно, велось примитивным ручным методом, что подтверждают также лексические данные. Земледелие было развито больше в Нижней долине (*Доодо гол*). Буряты Нижней долины сеяли разные зерновые культуры, здесь занимались даже овощеводством (в селе Улюн). Это объясняется тем, что буряты Нижней долины были больше связаны с русскими, находились с ними в более близком экономическом, хозяйственном контакте. Здесь больше половины населения составляют русские.

Совместная жизнь баргузинских бурят с русскими начинается со дня их переселения. В 1643 г. был основан Баргузинский острог, явившийся первым русским поселением в Забайкалье. А в настоящее время русские населяют села: Баргузин, Усть-Баргузин, Уро, Читкан, Суво, Бодон, Курумкан, Сахули и другие. Русские оказали благотворное влияние на рост хозяйства и культуры баргузинских бурят.

Территория Баргузина находится в одном из отдаленных, труднодоступных уголков Бурятии; не случайно Баргузин в прошлом служил местом ссылки. Здесь отбывали ссылку декабристы — братья Кюхельбекеры. Раньше не было хорошей дороги, соединяющей Баргузин с другими районами Бурятии. От Баргузина до Верхнеудинска (ныне Улан-Удэ) нужно было преодолеть все расстояние (более 400 км) на лошадях. Были найдены и прямые пути в Хори и Еравну, куда попадали через труднопроходимые дебри на верховых лошадях.

По территории Баргузина протекает судоходная река Баргузин (протяженностью 400 км), впадающая в оз. Байкал с притоками Ина (по-бурятски *Онео*), Гарга, Аргада и другими. Есть также немало озер (Кучегор, Гагина и др). По правой стороне Баргузина проходит Баргузинский хребет, который отделяет Баргузин от оз. Байкал².

Баргузин славится красотой и своеобразием природы, отличается также богатыми природными ресурсами. Он богат сельскохозяйственными угодьями, лесными массивами, минеральным сырьем, славится своими горячими лечебными источниками, золотом, пушными зверями, рыбой³.

Природные богатства территории Баргузина, безусловно, не могли не привлекать в прошлом сюда переселенцев. Не случайно в одной из легенд ему дана такая характеристика:

Хотиггээ миха олхо,
Гүхэгээ түлээ олхо,
Хулгаэ хээ хадан нюуха,
Худлаар хэлээ хадан
Хорголхо газар.

Местность, в которой можно
Мяса достать без ножа,
Дрова без топора.
В случае кражи есть где прятать,
В случае обмана есть где скрываться.

1 См.: Г. Н. Румянцев. Баргузинские летописи. Улан-Удэ 1956, стр. 49.

2 См.: «История БурАССР». Г.п. 1, Улан-Удэ, 1954, стр. 310.

3 См.: Б. Р. Буянтуев. Баргузинская долина. Улан-Удэ, 1959.

4 См. об этом подробнее: Б. Р. Буянтуев, Г. Ш. Раднаев. Советская Бурят-Монголия. Улан-Удэ, 1957.

Буряты раньше Баргузин называли *Ара Баргажан* «Задний отдаленный Баргузин». Действительно, Баргузин в то время был своего рода «Запорожской сечью», куда стекались непокорные племена, бежавшие от постоянных войн, угнетения феодальных ханов и земельного вытеснения.

Село Баргузин (ныне районный центр) было раньше одним из крупных торговых центров. В лексике говора имеются следующие названия промышленных и продовольственных товаров, которые получали баргузинские буряты тогда торговым путем: *мангал*, *дэмбэ хамба* — различные виды китайского шелка, *хонинхоор* (коленкор), *харамжан* (полусукно), *даалин* (далемба) и многие другие.

Баргузинский острог с 1783 по 1822, затем с 1913 по 1917 годы был переведен в разряд уездных городов. Не было в нем промышленных и других предприятий. Правда, накануне Октябрьской революции были открыты кожевенный и мыловаренный заводы, основанные на примитивном ручном труде.

Исторический путь, пройденный баргузинскими бурятами, так же как и другими бурятами, длителен и сложен. О древней истории баргузинских бурят говорят нам устные народные предания, а также исторические сочинения¹.

По истории баргузинских бурят имеется ряд летописей, часть которых издана Г. Н. Румянцевым в указанных выше «Баргузинских летописях». Первым историческим сочинением, посвященным баргузинским бурятам, считается историко-этнографический очерк Николая Цыванжаба Сахарова под названием: «Об инородцах, обитающих в Баргузинском округе Забайкальской области»². В этом очерке, состоящем из двух частей, даны краткие сообщения о времени переселения, о родо-племенном составе, об условиях жизни баргузинских бурят. Следующим летописным сочинением является «Краткое повествование о старинной истории Баргузина»³. Из «Кратких повествований» узнаем в основном те же данные, что и из «Очерков» Н. Ц. Сахарова. В частности, в нем сообщаются сведения о древнейшем населении Баргузина, о первых его переселенцах (об эвенках, бурятах, русских). Заслуживает внимания содержащееся в этом повествовании сообщение о переселении бурят в Баргузин еще в XVII в.

Также краткую, но содержательную справку об истории баргузинских бурят дает Цыдеб-Жаб Сахаров в своей «Летописи баргузинских бурят»⁴. Летопись Ц.-Ж. Сахарова излагает историю баргузинских бурят с 1740 г. — со времени переселения в Баргузин бурят из рода бура под предводительством Андрея Шибшеева. В начале летописи изложены предания о древних обитателях и первых переселенцах Баргузина, о происхождении тайшей. Затем дается хронологическое изложение событий, происшедших в Баргузине. В конце летописи говорится о родовом составе, о разделении баргузинских бурят на шесть управ, о количестве дацанов, о размере податей и внутренних сборов и т. д.

В следующей летописи под названием «История перекочевки в Баргузин в 1740 году баргузинских бурят с севера Байкала под предводительством Андрея Шибшеева»⁵, предка Сахаровых, повествуется

¹ См.: «Материалы для истории бурят-монголов I. Летописи баргузинских бурят. «Тр. ИВАН СССР». Вып. VIII, М. — Л., 1935; Г. Н. Румянцев. Указ соч.

² См.: «Материалы для истории бурят-монголов», стр. 37—43.

³ См.: Г. Н. Румянцев. Указ. соч., стр. 37—39.

⁴ См.: «Материалы для истории бурят-монголов», стр. 18—25.

⁵ Г. Н. Румянцев. Указ. соч. стр. 58—65.

то же самое, что и в «Летописях» Ц.-Ж. Сахарова. В этой летописи все события, имевшие место в Баргузине, даны в хронологическом порядке.

Одной из наиболее ценных, содержательных летописей баргузинских бурят является «Сокращенная история баргузинских бурят с приложением документов», составленная в 1917 г. преподавателем монгольского языка Харганайской школы Цэжибом Цэрэновым¹. Она начинается с рассказа о первых обитателях Баргузина — о баргутах, или аба хорчидах. Далее говорится об 11 хоринских родах, размножившихся в XII в. от Хоридоя, об устных преданиях эхирит-булагатских родов, о землепользовании и образах жизни баргузинских бурят. Затем летописец подробно останавливается на распространении буддийской религии, на открытии дацанов, школ.

Мы выше остановились на летописях баргузинских бурят, тексты которых опубликованы. Кроме них имеется ряд рукописных летописей, хранящихся ныне в РО БКНИИ. Они по содержанию в основном близки к изданным летописям. Среди них обращает на себя внимание летопись, составленная Ц. С. Содиевым под заглавием «Краткая история о том, как первоначально образовались баргузинские буряты». В ней встречаются некоторые данные, дополняющие другие исторические сочинения.

Летописи баргузинских бурят представляют собою весьма ценные исторические памятники. В них содержатся материалы по истории не только баргузинских, но и эхирит-булагатских, хоринских и других бурят. Летописи были написаны осведомленными в вопросах монгольской истории людьми. Так, летописцы были знакомы с трудами первого бурятского ученого Д. Банзарова, с монгольской летописью «Алтан Тобчи», с произведениями А. Позднеева («Образцы монгольской словесности») и другими сочинениями.

В летописях баргузинских бурят были широко использованы устные предания, бытующие до сих пор среди населения. Пишущий эти строки от многих осведомителей — любителей старины своего края — записал ряд ценных преданий, проливающих свет на былую историю баргузинских бурят. Назовем их имена: Эрдыниев Ринчин (с. Аргада), Эрдыниев Бата (с. Разгон), Харамов Санжи (с. Барагхан), Будаев Битган (с. Мургун), Шараев Ринчин (с. Баянгол), Гымпылов Доржи (с. Баянгол), Упанов Жамбал (с. Баянгол), Зуртанов Санжи (с. Барагхан), Ешиев Содном (с. Баянгол) и другие².

Основываясь на материалах вышерассмотренных летописей и преданий, собранных нами, попытаемся дать краткую историческую справку о баргузинских бурятах.

Территория Баргузинской котловины в далеком прошлом составляла дно моря. Действительно, сейчас на высоких скалах находятся остатки морских раковин, на большой глубине (при копке глубоких колодцев) обнаруживаются круглые, отточенные волною камни.

Самыми древними обитателями Баргузина (тогда страны Баргуджин-Тукум) были баргуты. Об этом нам говорит персидский историк Рашид-ад-дин, живший в средние века: «Племена баргут, тулас, туман жили в Баргуджин-Тукуме»³. В летописях баргузинских бурят также сказано, что самым древним населением Баргузина были аба

¹ См.: Г. Н. Румянцев. Указ. соч., стр. 40—52.

² Выражаю им, а также всем другим осведомителям, сообщившим нам ценные данные, большую благодарность.

³ Рашид-ад-дин. Сб. летописей, Т. I, книга 1, М.—Л., 1952, стр. 121.

хорчиды, или баргуты. Баргутов называли в своих устных преданиях аба хорчидами баргузинские эвенки, впоследствии это слово (аба хорчид) было заимствовано бурятами. К моменту прихода в Баргузин эвенков баргуты (или аба хорчиды) переселились в Монголию. Как известно из истории бурят, примерно в XVI в. в результате военных действий и распоряжений ханов произошло переселение племен из страны Баргуджин-Тукум на север и на восток.

О переселении баргутов из Баргуджин-Тукума среди эвенкийских и бурятских (баргузинских) легенд существует следующее предание. Когда начала расти береза и появился заяц-беляк, которых не было раньше, баргуты решили переселиться в другое место в направлении восхода солнца, предчувствуя, что в их местности будет править отныне другая царь и не желая ему подчиниться:

Саг хубилжа,
Сагаан модон ургаба,
Сагаан ямаан гүйбэ.
Нарни гарха зүгтэ
Эбэр монгол нүүхэ
Саг мэндэ ерэбэ.

Изменились времена:
Выросло белое дерево,
Появился заяц-беляк.
Пришло время переселиться
В направлении восхода солнца
В Монголию внутреннюю.

После ухода баргутов из Баргузина прибыли туда эвенки или, как их называют буряты, ортоны (от *орон* «колень» и словообразовательного аффикса *-тон*, в переводе на русский язык «имеющие оленей»). Они в Баргузине сначала жили в местностях Хабаржан, Долон Нарасун, затем в улусах, называемых ныне Бодон, Суво. Основным их занятием было скотоводство и охота.

Родовой их состав также разнороден. Е. М. Залкинд устанавливает наличие двух племенных групп: «выходцев из Приамурья: киндигиров, баликагиров, намегиров и, по-видимому, чилчагиров и, с другой стороны, связанных с западно-эвенкийским комплексом — мунгалов, лимагиров, тепкогиров и, возможно, чолкогиров»¹. Мунгальский род состоит из родов галзут, ашебагат и цонголир, немногочисленные представители которых живут ныне в Дыренском сельсовете Баргузинского района. На основании данных, собранных нами, можно добавить еще несколько названий «костей», на которые распадаются вышеназванные роды, например, род галзут делится на «кости»: капча галзут, джангэйчэ галзут, упамачэй галзут; род ашебагат делится на «кости»: манкаар ашебагат, тибэйчэн ашебагат и другие.

Эвенки, по-видимому, первоначально населяли побережье Байкала. Об этом свидетельствуют некоторые топонимические данные. В частности, в Прибайкальском районе, основным населением которого теперь являются русские, встречается ряд названий деревень эвенкийского происхождения: Кика, Хаим и другие.

Ныне большинство географических названий территории Баргузина эвенкийское. Совместная жизнь эвенков с бурятами не могла не оставить также следы в их языке².

Первое переселение бурят в Баргузин происходило еще в 60-х годах XVII в. В эти годы прибыла группа бурят из рода авазай, поселившаяся в местностях Яракта, Долон Нарасун (по-бурятски *Яарагта, Долоон Наруу'ан*). Часть этих бурят, как это видно из сообщения летописей, незадолго до прибытия в Баргузин русских, переселилась,

¹ Е. М. Залкинд. Родовой состав баргузинских эвенков в XVIII в. «Зан. БМ ГИЯЛИ». Вып. III—IV, Улан-Удэ, 1941, стр. 242.

² Подробно о языковом взаимовлиянии эвенков и бурят, а также о топонимике на территории Баргузина скажем в разделе «Лексика».

как рассказывают, в Монголию. Затем примерно в 1700-х годах прикочевало в Баргузин около семи семей булагатского племени. В 1720 г. началось массовое переселение других эхиритских бурят: сэнгэлдур, баяндай. В 1740 г. из урочища Анги Верхоленского округа переселились буряты рода бура под предводительством родового князя Андрея Шибшеева. Переселение бурят в Баргузин продолжалось вплоть до первой половины XIX в. Среди баргузинских бурят есть незначительное число бурят, прибывших в 1861 г. из Байкало-Кудары в связи с провалом на Байкале.

Баргузинские буряты переселялись тогда из Иркутской губернии двумя путями. Первый их путь проходил по южному, юго-восточному берегу озера Байкал, второй — прямо через остров Ольхон по льду.

Буряты, прибыв в Баргузин, вступили в столкновение с эвенками, местными жителями, которые подвергли их сильному притеснению, запрещали вести охоту, пользоваться пастбищами. В этих спорах одним из главных зачинщиков был эвенкийский нойон Зугей, известный по летописи баргузинских бурят и эвенков («зугеевский грабеж»). Население вынуждено было построить так называемую *ута хурей* (длинную изгородь), начиная с речки Харасун, через Шингальжин до местности Хара Модон. Эта изгородь служила им своего рода границей, которую не должны были нарушать, в частности, выпускать скот, вести охоту и т. д. Несмотря на это, по велению нойона Зугея, эвенки часто грабили скот у бурят (отсюда и «зугеевский грабеж»). Буряты вынуждены были специально отправить своего представителя по имени Гулгэ в Селенгинскую воеводческую канцелярию с жалобой на эвенков. Эвенкийский нойон Зугей, как говорится в преданиях, отправил за посланным погоню, которая должна была его поймать и убить. Но последний благополучно добрался, жалоба бурят была принята. В результате этого состоялось примирение на основе обоюдного «соглашения». Однако впоследствии сами эвенки были вытеснены бурятами. Значительная часть их вымерла в прошлом от оспы и других болезней, а оставшиеся в живых переселились в другие места. Ныне они живут в Дырене, а также в Баунтовском районе.

Баргузинские буряты богаты устными преданиями и легендами, фольклорными произведениями, повествующими, в частности, об их происхождении. Например, об этом они говорят на свадебных торжествах. Когда невеста с женихом приезжают в дом жениха, родные жениха задают вопросы, на которые следуют ответы:

— Хаанаан ерээбт?
— Худанхаэн хуймараан,
Худаэн голи эхинээн,
Ари ехэ мэлхээн ерээбди.

— Откуда прибыли?
— Из северной стороны,
Местности Худанхай,
Из долины реки Кудэ,
Из далекой, отдаленной
Местности прибыли.

— Хэн гээшэбт?
— Инги дороон гараан
Ихири хубүүдэбди,
Боори дороон гараан
Булгаши хубүүдэбди.

— Кто вы такие?
— Мы дети Эхирита,
Вышедшие из-под берега,
Мы дети Булагата,
Вышедшие из-под
подножия горы.

— Юу асараабт?
— Хээрээр дүүрэн түрэ,
Хэнэйгээр дүүрэн номо
асараади.
— Хашан гэжэ ерээбт?
— Бодогшинн боро толгоздо,

Что привезли?
Свадьбу, полную степь,
Стрелы, полные колчаны, привезли.
— Как доехали?
— На вершине горы Бодогшо,

Даагани сабшаан дабдан харгуйда,
Гунани сабшаан губилтар харгуйда
Сэхэ харгуйда шэнүүнэ загиджа,
Хуушан харгуйда хуһа загиджа
ерээбди.

Где мчится жеребенок двухгодовалый,
Ехали по прямой дороге,
Лиственницу завязывая узлом,
По старой дороге — березу
завязывая узлом.

Родо-племенной состав баргузинских бурят весьма разнороден. Он представлен ныне восемью родами: галзут, чоно (по-бурятски *шоно*), хенгелдер (*һэнгэлдэр*), баяндай, авазай, сэгенут (*сэгээнэд*), эмехенут (*эмхэнэд*), булагат. Из них род галзут относится к хоринскому племени¹, булагат — к булагатскому племени, роды чоно, хенгелдер, баяндай, авазай, сэгенут (?), эмехенут (?) — к эхиритскому племени².

Таким образом, баргузинские буряты состоят из родов эхиритского, булагатского и хоринского племен, из которых в основном сложилась бурятская народность. Но подавляющее большинство бурятского населения Баргузина составляют представители родов эхиритского племени. В частности, почти пятьдесят процентов бурятского населения Баргузина относится к одному только роду хенгелдер. Так же многочисленны чоноевцы. Третье место по количеству занимают галзуты. Булагаты и другие представлены в незначительном количестве.

Каждый из перечисленных родов имеет свою историю. В частности, галзутский род, как мы выше говорили, относится к хоринскому племени. В преданиях говорится, что галзуты живут примерно в пятьдесят четвертом — пятьдесят пятом поколении. Потомки галзутского рода ныне проживают не только в Баргузине, но и в Хоринском районе, в Агинском и Усть-Ордынском национальных округах, в МНР.

Интересно отметить, что ныне бытующую песню «Наян набаа», широко распространенную в основном среди баргузинских, хоринских, агинских бурят, считают в Баргузине песней, посвященной галзутам.

Галзутский род, как и все другие, делится на ряд ответвлений, или костей. Например, баргузинские галзуты распадаются на следующие пять костей: маньшууна (Аргада, Гарга и другие), хаагильмай (Гарга), обхор, онгор (Дырен, Гарга, Аргада), хоодо (Аргада), хээбэн (Саган-Нур, Галтай).

Предком баргузинских галзутов, по преданию, был человек по имени Ирэйн, имевший пять сыновей, по именам которых названы кости рода: Маньшууна — старший сын, Хаагильмай — второй сын, Ухин — третий сын (его сыновья Онгор и Обхор), Хоодо — четвертый сын, Хээбэн — младший сын.

Чоноевцы по происхождению относятся к эхиритскому племени. В большинстве своем они живут в селе Баянгол. Чоноевский род в преданиях считается одним из древних родов эхиритского племени³. Так, сам Эхирит имел одного сына по имени Зонхи. Сыновьями Зонхи были Сэрхэ и Сэрхэлдэй⁴. От первого сына родились Чоно и Хенгелдер. От рода чоно в Баргузине образовалось семь костей: борсой, басай (или хамнай), бутама, буга, шубхэй, оторши, түмэнтэй. Предок рода чоно имел трех сыновей: Борсой (старший), Басай или Хамнай (второй),

¹ Однако баргузинские галзуты переселились сюда с Ольхона и Качуга, а родов, переселившихся в Баргузин непосредственно из Хори, нет.

² См.: П. Т. Х а п т а е в. Предания о бурятских родах эхиритского племени. «Бурятовед. сб.». Вып. VI, Иркутск, 1928, стр. 45—46.

³ См.: Г. Н. Р у м я н ц е в. Родо-племенной состав баргузинских бурят. «Зап. БМ НИИК». Вып. XV, Улан-Удэ, 1951, стр. 91.

⁴ Согласно родословным эхиритов, Зонхи имел не два, а пять сыновей, а Сэрхэ и Сэрхэлдэй были внуками Зонхи (см.: Г. Н. Р у м я н ц е в. Указ. соч., стр. 54).

Бурлай (третий). Правнуки этих трех сыновей Чоно составили впоследствии семь костей рода чоно. Так, потомками Бурлая являются Оторши, Шүтхэй, Заяхай, Отоохой, Мэлэй и другие. Буга, Бутама — сыновья Заяхая. Некоторые потомки Чоно, видимо, ввиду малочисленности не смогли составить самостоятельные кости. Братом Чоно был Хенгелдер, по имени которого и назван род. Хенгелдер имел пять сыновей: Хазуухай (старший), Хадаалай (второй), Соодой (третий), Уухан (четвертый), Үлдэй (пятый). У Сооды было три сына: Эмэгэт, Оол, Агшай. Сыновья Эмэгэта: Номол, Хаалха. Сыновья Агшая Хурзаан, Сагаан, Хольши, Хуулгаар, Хонзо, Борбиншо, Болой, Ходой, Хонхо, Буура, Еэхүй и другие считаются также потомками предка Хенгелдер. Из них Ходой, Болой, Борбиншо — сыновья Улдея. Род хенгелдер распадается еще на первый (Баянгол) и второй хенгелдер (Гарга, Мургун). Кроме того, видимо, в составе рода хенгелдер была «сборная» кость (по-бурятски *избоорон*).

Носители рода баяндай живут в Аргаде, Улюне, Алле. Этот род делится на две кости: хонхой и тохой. Предок рода Баяндай имел четырех сыновей, из которых двое (Хонхой, Тохой) образуют кости. Баяндаевцы живут в селах Улюн, Баянгол.

Авазаевцы живут в селах Могойто, Алла. Предок рода Авазай имел восемь сыновей. Авазай и Баяндай были сыновьями Сэрхэлдэя (Сэрхэлдэй — сын Зонхи, внук Эхирита).

В отношении происхождения родов чоно, хенгелдер, баяндай и авазай существует такое предание. Сын Эхирита Зонхи своим внукам Авазю, Баяндаю (сыновья Сэрхэлдэя), Чоно и Хенгелдеру (сыновья Сэрхэ) приказал сломать свои луки, разбить котлы и, нарушив традицию, вступить в брак через семь и девять поколений и образовать самостоятельные кости.

Представители родов сегенут, эмхенут, булагат живут в улусах Баянгол, Улигчихан. В преданиях говорится, что матери Сегенут и Эмхенут были беженками из других каких-то неизвестных племен.

Баргузинские буряты в прошлом жили отоками (оток — административная единица), при этом каждый оток составлял один род. Сначала таких отоков было три, затем стало пять, шесть и двенадцать. Во главе каждого отока стоял голова рода. Например, в последнее время головой рода чоно был Сэбэгжаб, рода хенгелдер — Замбалан, рода галзут — Борогшон.

Как известно, для управления бурятами в середине XVIII в. были учреждены так называемые конторы. Во главе конторы стоял главный тайша. Такая контора в Баргузине была учреждена в 1790 г. Она существовала до появления «Устава об управлении инородцев», проект которого был в 1822 г. составлен графом М. Сперанским. Согласно этому «Уставу» в селе Улюн была учреждена Улюнская степная дума, объединявшая группу родов. А территория, подведомственная думе, называлась «ведомством». Во главе думы стоял тайша с заседателями.

В 1903 г. степная дума была упразднена и образовалось волостное инородческое управление, объединяющее восемь булуков. Резиденция управления находилась в Харгане. В 1918—1923 годах в улусе Читхан было учреждено Баргузинское хошунно-волостное правление, состоящее в основном из четырех хошунов: Баянгольского, Барагханского, Аргадинского и Дэдэ-Гольского. Каждый хошун состоял из нескольких сомонов. Например, в Барагханский хошун входили Харраганадский, Галтайский, Духэйский, Баяндаевский сомоны.

Баргузинские буряты сначала исповедывали шаманизм. Пересе-

лились они в Баргузин, будучи еще шаманистами. Но в отличие от западных бурят, шаманизм у них был более слабый. Здесь, видимо, сказалось влияние ламаизма. Значительное количество слов из шаманской терминологии, а также разнообразные обряды, известные западным бурятам, старшему поколению баргузинцев в настоящее время неизвестны¹. Примерно в конце XVII и в начале XVIII в. в Баргузин проник ламаизм через его проповедников — монгольских, тибетских лам. В народе говорят, что впервые прибыл в Баргузин примерно в начале XVIII в. некий Нимайлан-лама. С этого времени ламаизм получил распространение среди баргузинских бурят. В 1810 г. на берегу реки Бургал было построено молитвенное сумэ. Первый дацан в Баргузине основан в 1828 г. В 1861 г. его перенесли сначала в местность Цаган-Нур, затем в местность Барагхан.

До Октябрьской революции в Баргузине светских школ было всего несколько. В 1844 г. впервые при Улюнской думе была открыта двухклассная русско-монгольская приходская школа. В 1908 г. в Харгане открылась вторая по счету одноклассная школа. Затем такие школы появились в улусах Нур (1910 г.), Курумкан, Мургуи, Хара-Мбдон, Аргада и Дырен (1916 г.) До революции всего насчитывалось 9 школ.

В эти школы поступали большей частью дети состоятельной части населения. Поэтому основная масса населения до Октябрьской революции была неграмотной. Правда, было несколько человек, окончивших учебные заведения в Иркутске, Верхнеудинске и других городах, часть которых стала потом учителями и другими общественными деятелями, например: А. Г. Гальчев, Э.-Д. Ринчино, Р. У. Тубчинов, З. Х. Харпухаев, Р. Х. Харпухаев, Ц. Ц. Цэрэнов, А. Н. Шанюшкин и другие. Они были первыми просветителями и о них до сих пор в народе отзываются тепло. Среди этих деятелей был и Ц. С. Содиев (Соодой), имеющий тибетское, монгольское и русское образование. Он известен среди народа как путешественник-паломник. Он посетил Монголию, Тибет, Индию, Японию, Цейлон, Бирму. Побывал он и в Москве и Петербурге. Есть сведения, что во время путешествия Содиев встретился с А. П. Чеховым.

Хорошо известно имя Э.-Д. Ринчино, уроженца улуса Баянгол, Баргузинского района. Он окончил в свое время юридический факультет Петербургского университета. Его общественная деятельность развернулась в Бурятии еще перед Октябрьской революцией. Он проводил особенно плодотворную общественную деятельность в Монголии в период Народной революции.

За время Советской власти облик старого Баргузина изменился неузнаваемо. В Баргузине теперь имеются крупные предприятия, десятки школ, много колхозов-миллионеров². Изменения, происшедшие в экономике и культуре баргузинцев, нашли свое отражение и в их языке.

ФОНИТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Звуковой состав. Вокализм исследуемого говора состоит из следующих 20 гласных фонем: *a, aa, aэ, o, oo, оэ, э, ээ, эи, у, уу, уи, у, үү, үи, ө, өө, өи, и, ии*; в том числе кратких фонем 7: *a, o, y, ү, э, ө, и*; долгих фонем 7: *aa, oo, уу, ээ, үү, өө, ии*; дифтонгов 6: *аэ, оэ, уи, үи, эй, өэ*.

Налицествует в говоре 23 согласных фонемы: *n, n', m, m', t, t', d, d', н, н', м, з, ш, ж, л, л', й, х, х', г, г', нг, һ*.

¹ См.: С. П. Балдаев. Культ писаниц у западных бурят. «Зап. БМ НИИК». Вып. XXII, Улан-Удэ, 1956 г., стр. 83—87.

² См.: «История Бурятской АССР», Т. II, Улан-Удэ, 1959.

Характеристика согласных и гласных звуков литературного бурятского языка, данная в работе И. Д. Бураева «Звуковой состав бурятского языка»¹, вполне приложима к согласным и гласным баргузинского говора.

В литературном бурятском языке нет дифтонга *өэ*, который довольно часто употребляется в баргузинском говоре. Первый элемент этого дифтонга — открытый краткий гласный центрального ряда; второй элемент — гласный переднего ряда, открытый. Причем начальный элемент является огубленным, а конечный произносится уже без огубления. Примеры: *нөхөдөэ* (товарищей — род. п.), *хэлхөэ* (не скажет).

Краткий *ө* — гласный центрального ряда в литературном языке, вместе с более узким *ү* являются оттенками одной краткой фонемы мягкого ряда. В баргузинском говоре эти два звука (*ү* и *ө*) имеют фонемное различие: *үгэ* (слово), *өгө* (отдай).

О гармонии гласных. В баргузинском говоре гармония гласных имеет абсолютное действие в корне простых слов, например: *үндэр* (высокий), *тоо'он* (пыль), *үрхэр* (бык). Распространяется гармония гласных также на аффиксы простых и сложных слов, компоненты которых первоначально состояли из разнокачественного вокализма, например: *ябхөз*, *ябах* *үгэи* (не пойдет), *ерхөи*, *ерэхэ* *үгэи* (не придет), *хэлхэи*, *хэлэхэ* *үгэи* (не скажет,) *ахаан* (от брата), *хадаан* (с горы).

Гармония гласных распространяется и на слова, заимствованные из русского языка: *тоошхо* (точка), *боошхо* (бочка), *эсхэмэихэ* (скамейка).

В баргузинском говоре сингармонизм иногда не соблюдается в аффиксальной части простых и сложных слов, например: *гэраан*, лит. *гэр-һээ* (из дома), *хээрраан*, лит. *хээррэнээ* (с поля), *үлдаан*, лит. *үлдээ һэн* (выгнал) *хэлаан*, лит. *хэлээ һэн* (говорил, сказал). Появление гласного *аа* в этом говоре, как и в байкало-кударинском и эхирит-булагатском говорах, объясняется тем, что утвердительная частица *һэн* и аффикс исходного падежа имен (в лит. *-һаа*, *-һоо*, *-һээ*) в основе своей сохраняют древнюю форму *-һан*: *ераан*, *ерээ һан* (пришел, приходил), *хэлаан*, *хэлээ һан* (говорил, сказал), *ошаан*, *ошоо һан* (ходил).

Кроме того, аналогичными же аффиксами оформляются также причастия прошедшего времени (в лит. *-һан*, *-һон*, *-һэн*), глагольная форма пожелания (в лит. *-һай*, *-һой*, *-һэй*): *ераан*, *ерэнэн* (пришедший), *мэдаэб*, *мэдэнэйб* (узнать бы).

О выпадении звуков и слогов. Сокращение слов, или выпадение звуков и слогов в словах, широко представлено в баргузинском говоре.

Очень часты случаи выпадения фарингального *һ*. В начале слова фарингальный *һ* в баргузинском говоре сохраняется, например: *һара* (луна, месяц), *һонгино* (лук). Но встречаются отдельные случаи отсутствия его и в начале слов, например: лит. *һахарха* — барг. *ахарха* (скупиваться); лит. *һишнаха* — барг. *ишнаха* (жужжать).

Фарингальный *һ* не выпадает в середине гласных в тех односложных и двухсложных словах, в которых в случае его выпадения, возможно, получилась бы сильная ломка звуковой их оболочки. Например: *иһэн* (сажа), *үһан* (вода). Однако он между гласными выпадает и в основе слова, что видно из следующих примеров: *даа'ан*, лит. *гааһан* (трубка), *ноо'он*, лит. *нооһон* (шерсть), *хоо'он*, лит. *хоһон* (пустой, пусто), *тоо'он*, лит. *тооһон* (пыль), *дабуу'ан*, лит. *дабһан* (соль), *һэлбэрүү'эн*, лит. *һэлбэр-*

¹ И. Д. Бураев. Звуковой состав бурятского языка. Улан-Удэ, 1959, стр. 65—104, 129—157.

hэн (сиг), *наруу'ан*, лит. *нархан* (сосна), *шэнүү'эн*, лит. *шэнэһэн* (лиственница).

Как видно из примеров, на месте ожидаемого *h* образуется лишь пауза, которую обозначаем апострофом ('). А в байкало-кударинском говоре, в отличие от баргузинского, в результате выпадения этого звука произошло стяжение соседних его гласных в долгие, например¹:

литературный язык	баргузинский говор	байкало-кударинский говор	значение
загаһан	загуу'ан	загуун	рыба
дабаһан	дабуу'ан	дабуун	соль
нараһан	наруу'ан	наруун	сосна
шэнэнэн	шэнүү'эн	шэнүүн	лиственница
нэрэнэн	нэрүү'эн	нэрүүн	голубица

Но в баргузинском говоре стяжение гласных наблюдается только в аффиксах родительного; исходного падежей имен, например: *загуунаан* (с рыбы), *нарууни* (сосны, сосновый), *нэрүүнаан* (с голубицы).

Таким образом, выпадение *h* в корне простых слов ведет обычно к образованию долгих гласных *уу* или *үү*: *дабуу'ан*, лит. *дабһан* (соль), *хабуу'ан*, лит. *хабһан* (ребро), *түрүү'эн*, лит. *түрһэн* (икра).

Кроме того, в этом говоре нередко встречаются случаи употребления *у*, *ү* и *уу*, *үү* вместо *а*, *э* и в словах без фарингального *h*, например: *таргуун*, лит. *тарган* (жирный), *амгуулан*, лит. *амгалан* (тихо, мирно, спокойно), *таху*, лит. *таха* (подкова), *алху*, лит. *алха* (молоток), *зүргэ*, лит. *зэргэ* (ряд).

Звук *h* выпадает в аффиксах причастий, в формах пожелания в глаголах и в сложных словах, о которых говорилось выше. Например: *ераан*, редко *ерээн*, лит. *ерэһэн* (пришедший), *ошаан*, редко *ошоон*, лит. *ошоһон* (сходивший), *ябаан*, лит. *ябаһан* (ушедший), *бэшаан*, редко *бэшээн*, лит. *бэшэһэн* (писавший), *ерээб*, лит. *ерэһайб* (пришел бы), *ошаэб*, лит. *ошоһоэб* (сходил бы), *эсаэш*, лит. *эсэһэйш* (устал бы).

В баргузинском говоре наблюдаются выпадения гласных звуков: а) в начале основы: *неэн*, лит. *үнеэн* (корова), *неэдэн*, лит. *энеэдэн* (смех); б) в конце основы: *ошхо*, лит. *ошохо* (идти), *хэлхэ*, лит. *хэлэхэ* (сказать, говорить); выпадения согласных звуков: а) в начале основы: *үльжэргэнэ* (смородина), в зап. диалекте *хүльжэргэнэ*, *үбөөльжэн*, лит. *бүбөөлжэн* (удод); б) в середине основы: *хайшан*, лит. *хайшан* (как); в) на стыке сложных слов: *баэхуу?*, лит. *баэха гү?* (будет ли?), *зүү?*, лит. *зэ гү?* (ладно?), *хэлхүү?*, лит. *хэлэхэ гү?* (скажет ли?), *хадуу?*, лит. *хада гү?* (не гора ли?), *хэлхүүш?*, лит. *хэлэхэ гүш* (скажешь?), *оэлгоош?*, лит. *оэлгоо гүш?* (понял?); выпадение слогов в простых словах: *үхэб*, лит. *үгэхэб* (отдам), *үстэр*, лит. *үсэгэлдэр* (вчера).

Слова в потоке речи подвергаются своеобразному стяжению. Например: *барраэ*, лит. *баруун урда* (на юго-западе), *зүүрээ*, лит. *зүүн урда* (на юго-востоке), *нэбшаа*, лит. *нэгэ бишыха* (немножко), *таттаха*, лит. *таһа татаха* (оторвать, разорвать).

Этому явлению подвергаются и целые предложения: *энэш шэнгэнэ* (что он делает), лит. *энэшин хайшан гэнэ*, *тидээ шэнгэнэ* (что он делает), лит. *тихэдээ хайшан гэнэ*, *идээ шэнгэнэ* (что он делает), лит. *ишхэдээ хайшан гэнэ*².

¹ См.: Д. А. Абашеев. Заметки по говору байкало-кударинских бурят. «Зап. Б.М. НИИК». Вып. XXI, Улан-Удэ, 1956, стр. 134.

² Точно такие же стяжения слов в предложениях встречаются и в эхирит-булагатском говоре. См.: Б. В. Матхеев. Звуковой состав эхирит-булагатского говора. «Уч. зап. БМПИ им. Д. Банзарова». Вып. XI, Улан-Удэ, 1957, стр. 219.

Следует заметить, что слова подвергаются сокращению только в определенных сочетаниях: *зуун сгооб* (сто рублей); однако слово *солхооб* (рубль) в сочетании с другими числительными не сокращается.

О некоторых других фонетических явлениях.

1. Краткий *ө* составляет еще самостоятельную фонему. Следует отметить, что в исследуемом говоре эта фонема встречается реже, чем в западных диалектах; например, она имеет место в таких словах, как *өххэ* (подниматься вверх), *өдхө* (размножаться), *нөхөд* (друзья, товарищи). В баргузинском говоре за последнее время под влиянием литературного языка наблюдается тенденция употребления в начале слова *ү* вместо *ө*. Такое же явление встречается в говоре иволгинских бурят¹. Что же касается эхирит-булагатского говора, то он, в отличие от баргузинского говора, полностью сохранил фонематичность звука *ө*. Ср. примеры:

эхирит-булагат-ский говор	баргузинский говор	литературный язык	значение
төмөр	түмэр	түмэр	железо
өсөөн	үсөөн	үсөөн	мало
өндөр	үндэр	үндэр	высокий

В письменных работах учащихся школ Баргузинского района по бурятскому языку и литературе не наблюдается орфографических ошибок, связанных с различием *ү* и *ө* в начале слова. Даже в устной речи молодежи, учащихся звук *ө* стал употребляться редко.

2. Встречаются случаи различения *өө* и *ээ*, например: *дүрөө* (стреля), *дүрээ* (сгорел); *хүрээ* (хватит), *хүрөө* (замерз).

В рассматриваемом говоре во многих случаях после краткого *ү* следует *ээ*. Например, творительный падеж имен, разделительное деепричастие глагола оформляются аффиксами *-ээр* (лит. *-өөр*), *-ээд* (лит. *-өөд*), например: *хүсээд* (догнав), лит. *хүсөөд*, *үдэрээр* (на день) лит. *үдэрөөр*, *нюдээр* (глазом), лит. *нюдөөр*, *түргээр* (быстро), лит. *түргөөр*.

3. В начале слова вместо литературного *ж* употребляется *й*. *Яда* (*йада* — штык), в лит. яз. *жада*, *ялга* (*йалга* — овраг, лощина), лит. *жалга*, *яргал* (*йаргал* — счастье), лит. *жаргал*, *егдэ* (*йэгдэ* — сплошь, равномерно), лит. *жэгдэ*, *ебэн* (*йэбэн* — ржавчина), лит. *жэбэн*, *ел* (*йэл* — год), лит. *жэл*.

Слова с начальным *ж* встречаются редко, притом в большинстве случаев в словах из области буддийской терминологии: *жоод* (жод, молитва-заклинание), *жоодшо* (лама, читающий жод), *жаган* (кухня — при дацане), *жатха* (колдовство), *жабдан* (топчан, деревянная койка).

В заимствованных из русского языка словах начальный *ж* сохраняется: *жаатха* (жатка), *журнаал* (журнал). В давно заимствованных словах встречаются случаи перехода *ж* в *й*: *ёолбо* (*йоолбо* — желоб).

4. В баргузинском говоре притяжательная частица третьего лица имен не палатализуется: *номишн* (его книгу), лит. *номынь*, *гэришн* (его дом), лит. *гэрынь*, *санан* (его лыжи), лит. *санань*, *ахан* (его брат), лит. *ахань*.

Также наблюдается много слов, где согласные, в отличие от литературного языка, оказываются твердыми: *хируун* (теплый), лит. *хэрюун*, *нушгэн* (голый), лит. *нюсэгэн*, *хүрзи* (пила), лит. *хюрөө*.

5. Согласный звук *д* перед *и* переходит в *ш*: *тугаши* (телят — род. п. мн. ч. от *тугад*), *үхэши* (скота — род. п. мн. ч. от *үхэд*), *хониши* (овец — род. п. мн. ч. от *хонид*), *нохоши* (собак — род. п. мн. ч. от *ноход*).

¹ См.: Д. А. Абашеев. Предварительный отчет по обследованию говора, бурят-монголов Иволгинского, Байкало-Кударинского аймаков, стр. 141.

6. В баргузинском говоре широко представлена ассимиляция. Примеры на регрессивное ассимилятивное оглушение: *уртхэ* (успеть), лит. *урдихэ*, *хултхэ* (обморозить), лит. *хүлдэхэ*, *үсхэ* (смотреть), лит. *үзэхэ*, *мульшэ* (грызть), лит. *мүлжэхэ*, *хасха* (кусать), лит. *хазаха*. В этих примерах звонкие согласные в результате выпадения кратких гласных, стоящих после них, оглушаются перед глухими.

Часто наблюдаются согласные, оглушение которых связано с сокращением слова и редукцией конечных кратких, стоящих после них: *мэшь* (зная), в лит. яз. *мэдэжэ*, *бошь* (вставая), в лит. яз. *бодожо*.

Примеры на прогрессивное ассимилятивное оглушение: *юунштаа* (во что бы то ни стало, обязательно), лит. *юуншье даа*, *хуунштаа* (человек же), лит. *хуунши даа*.

В баргузинском говоре имеет место ассимиляция или взаимодействие не только соседних звуков (контактная ассимиляция), но и звуков, разделенных между собою другими звуками, слогами (дистантная ассимиляция). Примеры на случаи дистантной ассимиляции гласных звуков в вокализме одного слова: *дубуун* (возвышенность), лит. *добуун*, *хуньшуун* (душистый), лит. *хонцуу*. Но наиболее характерным для изучаемого говора является то, что под влиянием переднеязычного *и* краткий гласный предыдущего слога приобретает более передний, несколько дифтонгоидный оттенок, например, баргузинцы произносят *мөрин* (ср. лит. *морин* — конь), *нарин* (ср. лит. *нарин* — тонкий), *түби* (ср. лит. *түби* — мир, вселенная), *хөрин* (ср. лит. *хорин* — двадцать) и т. д.

7. По всей вероятности, появлению в начале слова краткого *ү* на месте краткого *ө* способствовал последующий долгий *үү*, образовавшийся в связи с выпадением фарингального *h*. Ср. следующие слова:

эхирит-булагатский говор	баргузинский говор	значение
хөдөһөн	хүдүү'эн	кисет
хөлөһөн	хүлүү'эн	пот; заработок
һөнөһөн	һүнүү'эн	душа

8. В рассматриваемом говоре встречаются также случаи влияния гласных одного слова на гласные другого, сочетающегося слова, например:

баргузинский говор	литературный язык	значение
уур сааха	үүр саэха	рассветать
туи татха	түи татха	чинить препятствие
ба барь	бү бари	не держи
бэ хэл	бү хэлэ	не говори

9. Перестановка слогов в сравнении с письменной формой литературного языка:

баргузинский говор	литературный язык	значение
хадалгаха	хадагалха	спрятать
шабаагар	шагаабар	окно
тээрэм	тээрмэ	мельница

10. В исследуемом говоре нами зафиксированы следующие случаи чередования сравнительно с литературным языком:

баргузинский говор	литературный язык	значение
	<i>з/ж</i>	
зажалга	жажалха	жевать
заахан	жаахан	маленький, небольшой
зихэ	жихэ	вытягивать (ноги)
изини	эжи	мать

намтар шүрмүү'эн мурьха	<i>м//б</i> набтар шүрбэ'эн буриха	низкий мышцы уклоняться от указанного на- правления (например, о лошади) лист
намшуу'ан	набша'ан	
һухалга бахана тэрээхүүр энээхүүр	<i>х//г</i> һугалга багана тэрээгүүр энээгүүр	выдвижной ящик у стола столб по тому месту, там здесь, по этому месту
гүрхэ гүрэлгэ	<i>г//б</i> бүрэхэ бүрэлгэ	сбивать масло процесс сбивания масла
гилагар гилаэха ниргэхэ	<i>г//й</i> ялагар ялайха нэрьехэ (нэрийэхэ)	блестящий блестеть шуметь
йаргал йабар йолоо	<i>й//ж</i> жаргал жабар жолоо	счастье холодный ветер поводья
гэтүү'эн гатуу'ан	<i>т//д</i> гэдэ'эн гада'ан	живот, брюхо палка с железным наконечником
нол'бохо бул'шан һүүл'шиин	<i>л'//л</i> нёлбохо булшан һүүлшын	плевать мышцы последний
хэрүүр бар'уур аршуур	<i>р//л</i> хэрүүл барюул аршуул	ссора ручка, рукоятка тряпка
илээ ирэ идеэн	<i>и//э</i> элеэ эри эдеэн	коршун острие пища
зубалга хултуу'ан хумигар хуршаганаха шургалжан	<i>у//о</i> зоболго холто'он хомигор хоршогонохо шоргоолжон	тощее мясо кора узкий, плоский шуметь, тарыхтеть муравей
горогор горьбо	<i>о//у</i> гурагар гурьба	стройный, длинный резьба, углубление вдоль че- го-либо
одигон хотиго	удаган хутага	шаманка нож

	<i>u//a</i>	
тишаганаха нижаганаха нирээ хиршаганха	ташаганаха нажаганаха нараэ харшаганаха	трещать, греметь шуметь, гудеть, греметь новорожденный, младенческий скрипеть
	<i>э//ү</i>	
бэри эбшэн мэн	бүри үбшэн мүн	очень болезнь опять, тоже, также
	<i>ү//э</i>	
хүдэн зүргэ	хэдэн зэргэ	сколько ряд

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Баргузинский говор, наряду с сохранением в своем словарном составе значительного количества слов, бытующих в родственном ему эхирит-булагатском говоре, подвергся и некоторому лексическому влиянию хоринского диалекта и литературного языка. Лексика баргузинского говора обогащалась и за счет своих внутренних ресурсов, определивших, в конечном счете, ее специфику. Но в целом этот говор сохранил значительное количество слов, общих для западных говоров. См. следующий список общеупотребительной лексики.

Западный диалект	Баргузинский говор	Литературный язык	Значение
салим	салим	шалбааг	лужа
үнэгэн шээг	үнэгэн шээг	холонго	радуга
шабхаэ	шабхаэ	туюу	комок снега, прилипающий зимой к копытам лошади
хонгорог	хонгорог	хүр	сугроб
андаляа	андаляа	анда худа	обменный брак
хашар	хашар	тошон	наледь
хөрөнгө	хүрэнгэ	айраг	кислое молоко
бозо	бозо	сагаан	кислое молоко для курения вина
тэбтээр	түбтээр	бэрхээр	крышка у котла
малгаар	малгаар	үглөө	завтра
зантуу	зантуу	һуулга	жестяное ведро
зэнхээн	зэнхээн	шармайлга	стремление
таалаха	таалха	таалаха	в <i>зап.</i> и <i>барг.</i> «обнимать, ласкать», в <i>лит.</i> «целовать»
эргэнэг	эргэнэг, иргэнэ	хаамжа	клетки для телят
гээгэ	гээгэ	гээгэ, шэлэ	затылок
		хүзүүн	
шиихан	шиихан	хадьха	фурункул
мэнэһэн	мэнүү'эн	амһарта	посуда
гуулга	гуулга	гуйлга	в <i>зап.</i> и <i>барг.</i> «подарок», в <i>лит.</i> «просьба»,
хаг	хаг	набтаһан	послед
шэхэнэг	шэхэнэг	тэбхээнсэг (в Аге)	санки с коробом для возки навоза
хубсар	хобсор	годон шэрдэг	подстилка в виде коврика (из шкур овечьих, лошадиных ног)
саажа	саажа	гээгэ	коса (о волосах)

Наряду с этим словарный состав баргузинского говора также сохранил общность и со словарем эхирит-булагатского говора:

эхирит-булагатский говор	баргузинский говор	литературный язык	значение
тээли (хүбүүн, басаган)	тээли (хүбүүн, басаган)	дунда (басаган, хүбүүн)	средний (сын или дочь)
хомхо	хомхо	тонтогоол	конский шевяк
дандаэ	дандаэ	адаэр или адяар	полка
ообордохо	ообордохо	шэдэхэ	бросать
ангуу	ангуу	шарха	рана
бажнаг	бажнаг	сообо хүхэ	топор-пазник
бэсэгэн	бэсэгэн	одхон, бага	младший (брат, младшая или вторая жена)
шоогоэ	шоогоэ	ямаан	коза
хошхо	хошхо	хүлдүүр	лопата, служащая для выбрасывания мусора из дома
өбөлгө	өбөлгө	эрмэг	край, борт койки
зөөмэр	зөөмэр	ээрмэг	накиль, образуемая при кипении курунги
нэбхүүл	нэбхүүл	дэгнүүл	кочка
иньгэ	иньгэ	эрье	берег, крутой обрыв
богодхолхо	богодхолхо	хабидхалха	путать ноги коровы
һум (морин)	һом (морин)	эмээл, хазаар (морин)	верховая лошадь
элдэн	ильден	—	загородка для зарода
һаал	һаал	—	один из моментов свадебного обряда
хэһэнэг	хэһэнэг	үхэг	гардероб для вещей — приданого девушки
нэд	нэд	шэрхи, нэдхэ	выносливый

Баргузинский говор испытывает влияние хоринского диалекта, а также и литературного языка почти во всех пластах своей лексики. Это не могло не определить одну из причин нынешнего словарного расхождения баргузинского и эхирит-булагатского говоров. Примеры:

диалект	баргузинский говор	эхирит-булагатский говор	значение
зураха	зураха	писать	рисовать
хүгшэн аба, баабаэ	хүгшэн баабаэ	төө баабаэ	дедушка, дед
хамаагүй	хамаагоэ	баагоэ, һаатхоэ	ничего, все равно
тэлюур	тэлюур	түльхүүр	пихло (сиб.)
тибэһэн	тибүү'эн	һараана	саранка
эмхи зургаан	зургаан	учреждени, организаци	учреждение, организация
барилга	барилга	аали	постройка
гэр	гэр	тур, тура	изба, юрта
хулпаа	хольпии	хабтагаэ	клоп
поршоонхо	поршоонхо	тороэ, поршоонхо	поросенок
хамуур, веэниг	хамуур	эльбүүр	веник
хартаабха	хортообхо	яабал	картофель

Лексическое влияние хоринского диалекта и литературного языка на баргузинский говор сказывается и в том, что в последнем на правах

синонимов употребляются как литературно-хоринские, так и диалектно-западные слова:

хоринский диалект	западный диалект	баргузинский	значение говор
машииндаха	бүлэхэ	машииндаха, бүлхэ	сепарировать
намаг	намарга	намаг, намарга	болото, трясины, топь
гэм, зэмэ	зэмэ	гэм, зэмэ	вина
зун	нажар	зун, нажар	лето
эхилхэ	захалха	ихелхэ, захалха	начинать
бороо	хура	бороо, хура	дождь
үгэ	хүүр	үгэ, хүүр	слово

Известный интерес представляет религиозная терминология. В Баргузине прежде всего встречается довольно много слов из области шаманского культа: *одьгон* (шаманка), *онго* (дух, идол), *таэлга* (шаманское жертвоприношение), *арангалха* (хоронить шамана на помосте), *горьбэ* (посох), *оргоэ* (ритуальный головной убор шамана), *аэху* (священная роща, где похоронен шаман). Но, с другой стороны, в словарном составе баргузинского говора имеется немало слов из области буддийского ритуала, например: *ланшад* (вино, которое преподносится богу), *жасаа* || *ясаа* (ежегодная молитва), *шоэро* (ламский диспут), *хубараг*, *гэбши*, *габжа* — различные ламские звания, *ошор* (ламский инструмент), *сабдуур* (палочка для опрыскивания священной водой).

Сравнимая баргузинский говор с эхирит-булагатским по части лексики, можно заметить, что одни эхиритские слова в баргузинском говоре дали либо совершенно новые значения, либо изменились в своем значении, например:

	эхирит-булагатский говор	баргузинский говор
хаяа	уголочек за печкой, где хранится посуда и прочая утварь	стена
мээрхэлдэхэ	соперничать	делать что-либо на зло
һер	дом, изба	крыша
хербэ	ягненок	овечья шкура (без шерсти)
домоґ	хвалебная песня	грустная песня
сэр	большая деревянная чашка	деревянный кувшин, жбан для молочного вина

А другие слова стали употребляться только в определенных сочетаниях, например:

эхирит-булагатский говор	баргузинский говор
төөдэи (старушка, бабушка)	төө һахул (длинная старая борода)
балгааһан (постройка)	гэр балгаа'ан (постройка, строение)
һүи (ночь)	һүйдүү'ан (ночью)
яһаха (вылечиться, поправляться)	яһал болхо (поправляться, вылечиться)

В сравниваемых говорах встречаются отдельные расхождения, связанные со словообразованиями частей речи. Например, в баргузинском говоре есть слово *хохюур* (сухостой), но нет производного от него глагола *хохюурдаха* (сохнуть), бытующего в эхирит-булагатском говоре. В баргузинском говоре есть глаголы *хоэмоґхо* (варить пищу из арсы с молоком), *бүмбэихэ* (принимать округленную форму), но нет имен *хоймоґ* (пицца, приготавливаемая из арсы с молоком), *бүмбэгэ* (мяч), которые имеют место в эхирит-булагатском говоре.

Наблюдается разнoбoй в заимствованиях из русского языка. Так, например, некоторые названия предметов, являющиеся заимствованиями

в эхирит-булагатском говоре, в баргузинском обозначаются бурятскими словами или наоборот: *отобрсог* эх.-бул. — *ээзгэл* барг. (творог), *оглобли* эх.-бул. — *шэргүүбиэ* барг. (оглобли), *сулхи* барг. — *оэмһон* эх.-бул (чулки).

Как показывают факты, семантический разнобой, наблюдающийся в диалектах и говорах бурятского языка, падает, главным образом, на производные слова, образованные морфологическим путем от общебурятских корней с помощью словообразовательных суффиксов. Приведем слова из баргузинского говора, которые в такой форме не употребляются в других говорах: *доржоохэ* (воробей), лит. *борбилоо*, ср. общебурятское *доржоонохо* (тараторить, лепетать); *эмээлхэй* (седелка), лит. *шожоолохо*, ср. *эмээл* (седло); *шэргүүбиэ* (оглобли), лит. *оглөбо*, ср. *шэрэхэ* (тащить); *минюухэй* (личная собственность), лит. *үмсэ*, ср. *миниш* (мой); *дэбхэрэлгэ* или *дэбхэргэ* (водопад), лит. *хүүюур*, ср. *дэбхэрхэ* (скакать, прыгать); *гилаан* (шкура ягненка), лит. *хурьганай арһан*, ср. *ялагар* (блестящий); *хамжаан* (магазин), лит. *магазин*, ср. *хамжаха* (объединиться), *сордон* (щука), лит. *сурхаз*, ср. *сордогор* (длинно-продолговатый); *ха̄ттуу'ан* (крыло седла), лит. *дүрөөбиэ*, ср. *хабтагар* (плоский); *хашааргана* (карась), лит. *хөөлэнтий*, ср. *хашарһан* (чешуя); *унангуи* (валежник), лит. *унаанги*, ср. *унаха* (падать); *бүглээргэ* (пробка, затычка), лит. *таглаа*, ср. *бүглэхэ* (затыкать); *хошолхо* (страдать поносом — о животных), ср. *хошхоног* (прямая кишка): *адха* (подземелье, куда просачивается вода), ср. *адхаха* (лить, выливать); *хитаруулга* (калач), лит. *халааша*, ср. *хитарха* (закручиваться, виться, ломаться) и т. д.

Эти производные слова в баргузинском говоре образованы морфологическим (суффиксальным) путем на основе общебурятских корней посредством словообразовательных суффиксов *-хаэ*, *-биша*, *-лга*, *-аан* и других, придавших им семантически новые значения.

Как известно, каждый предмет или явление реальной действительности имеет множество признаков, например, признаки формы, звука, цвета, характера действия и т. д. А «название есть служащий для различия знак, какой-нибудь бросающийся в глаза признак»¹.

При наименовании предметов, явлений берется всегда один из характерных признаков. Но выбор одного из них (форма, цвет, звук, характер действия или образ), положенный в основу слова, бывает в говорах бурятского языка произвольным. «Говорящие коллективы могут воспринять предмет с разных сторон и соответственно этому дают ему разные наименования»². Эта произвольность выбора одного из признаков предметов, явлений при словообразовании и вызывает семантические отклонения, разнобой в говорах бурятского языка.

Т. А. Бертагаев в бурятском языке устанавливает следующие три случая образования слов по признакам предмета³: а) образование по производимому действию или эффекту; б) образование по внешним признакам предмета (по форме, цвету, вкусу); в) образование по производимому звуку. Например, в баргузинском говоре слово *дэбхэрэлгэ* или *дэбхэргэ* (водопад) образовано от глагольной основы *дэбхэр-* (прыгать), обозначающей само действие, а в литературном языке соответствующее слово *хүүюур* (водопад) получило название от глагольной основы *хүүе-* (шуметь), выражающей действие по издаваемому звуку. Слово *нюдүүр* (ступка) в баргузинском говоре образовано от глагольной основы *нюдэ-* (толочь), обозначающей действие предмета, тогда как вместо него в хорин-

¹ В. И. Ленин. Философские тетради. Госполитиздат, 1947, стр. 320.

² Т. А. Бертагаев. Лексика монгольских языков, рукопись, стр. 142.

³ См. там же, стр. 526.

ском диалекте употребляется слово *уур* (ступка), образованное, вероятно, от корня общего с *уургай* (гнездо) по внешнему сходству предметов.

Зачастую в говорах производные слова, в основу которых кладется одия и тот же признак, а именно признак действия предмета, создаются нередко от семантически различных по значению основ, выражающих разные стороны действия. Например, понятие *веник* в баргузинском говоре оформлено словом *хамуур*, образованном от глагольной основы *хама-* (сгребать, мести). Это же понятие в эхирит-булагатском говоре бытует в форме *эльбүүр* (веник), образованной от глагольной основы *эльбэ-* (гладить), а в боханском говоре обозначается словом *шэрбүүр*, образованном от глагольной основы *шэрбэ-* (хлестать). Слово *хонхицуур* (колокольчик, ботало) в баргузинском говоре образовано от глагольной основы *хонхино-* (звенеть), в эхирит-булагатском говоре — *шагнуур* (ботало) образовано от глагольной основы *шагна-* (слушать). *Спичка* в баргузинском говоре называется словом *зуруул* от *зура-* (чиркнуть), в боханском — *шударуул* от *шудара-* (скрести). Такое действие, как *сепарировать*, обозначается следующими глаголами: *мүшыха* (крутить, вертеть — Алята и Улзетуй), *эрьюулхэ* (вращать, крутить — Булуса), *ашалха* (вертеть мутовкой — Тангут и Нельхай), *машиндаха* досл. *пропускать молоко через машину, бүлэхэ* (сбивать, болтать)¹. *Сфотографировать* передается также разными словами, например: (*хаарташха*) *буулгах* (снимать), *хааха* (закрывать), *абаха* (брать); *оруулха* и *сожоулха* (фиксировать). Понятие *лестница* обозначается словами: *гэшхүүр* (Алята и Улзетуй) от основы *гэшэ-* (наступать), *абируулга* (Тангут, Обуса) от *абир-* (взбираться, взлезать), *дамжуур* барг. от *дамжа-* (переходить, взбираться, перебираться).

По признаку формы образованы такие слова, как *сордон* (щука); название дано по признаку внешней формы — *сордогор* (длинно-продолговатый); *хашааргана* (карась) образовано от *хашаруу'ан* (чешуя, караси по сравнению с другими рыбами имеют крупные чешуи); *балблана* (язь) образовано от основы *балблэ-* (быть полным, пухлым). Слова *хитаруулга* барг., *хотируулга* эх.-бул. в значении (калач) образованы по форме названного предмета. Слово *гахуули* барг. (удочка) образовано от слова *гэхэ-* (крючок) при помощи суффикса *-уули*. Тункинцы удочку называют *хаялаа* от основы *хая-* (бросать).

В бурятских диалектах и говорах также широко представлено лексико-семантическое словообразование, под которым подразумевается приобретение словом дополнительных и новых смысловых значений.

В зависимости от условий жизни и деятельности носителей языка или говора, слова подвергаются дальнейшему развитию, дают разветвления, дополнительные значения. Притом эти дополнительные значения, образованные из дальнейшего развития, разветвления первоначального значения слова, составляют вместе с тем преемственную, связанную семантическую цепь². Процесс лексико-семантического словообразования слов в диалектах и говорах бурятского языка носит также разнообразный характер. Одним из характерных семантических расхождений говоров бурятского языка является то, что одно слово в одном говоре обозначает одно, в другом — два или несколько значений. Например, слово *тхэлха* первоначально обозначало *рзвязывать, снимать*. Затем оно в хоринском диалекте дало значение *открывать* (о двери войлочной

¹ Эти примеры заимствованы из работы Т. А. Бертагаева «Лексика монгольских языков», стр. 144.

² См. об этом: Т. А. Бертагаев. К вопросу о внутренних законах развития полисемии (на материалах сравнительно-исторического изучения монгольских языков), АН СССР, ОЛЯ, т. X, вып. 6, 1951, стр. 573—588.

юрты), так как хоринские буряты, жившие в войлочных юртах, чтобы открывать дверь, развязывали ее.

Наименования в бурятском языке, а также в его диалектах и говорах переносятся на основе сходства предметов, явлений по форме, цвету, величине, характеру действия. Но выбор одного из этих признаков при перенесении по сходству, как и в морфологическом и в других словообразованиях, в говорах бурятского языка бывает разный, произвольный, что вызывает семантические расхождения. Например, в баргузинском говоре по сходству характера действия перенесены значения следующих слов: *дэбхэрхэ* (прыгать; служить в армии), *тоншохо* (стучать; столярничать), *һунааха* (удлинять; доконать; доводить), *харха* (смотреть, видеть; содержать; оказывать помощь), *зольборхо* (бродяжничать, скитаться; вести себя развязно, нарушать дисциплину), *орхо* (зайти, заходить, войти; нападать), *хүндэлхэ* (уважать; угощать), *хуса* (лаять; кашлять сухим кашлем), *узаарха* (долго длиться; одряхлеть), *баллаха* (ломать, разменять — о деньгах).

Перенос значений может также происходить по сходству функции, формы, например: *таху* (подкова || каблук у унтов), *нюдэн* (глаз || оконная клетка), *хабхаг* (крыша || клапан кармана), *хүрээ* (лопата || весло).

Развитие значений или перенос значений слов с одних предметов и явлений на другие идет не только на основе сходства признаков, но и на основе общности их функции (функциональный перенос): *үлгээсэ* (вешалка для одежды || бэльзевой шнур). Иногда по общности функции разные предметы в говорах обозначаются одним и тем же словом: *хүдхуур* (мутовка) барг. — *хүдхуур* (кочерга — Обуса, Нельхай); *тульхүүр* (ключ) барг. — *тульхүүр* (пихло — Тангут); *хадхуур* (вилка) барг. — *хадхуур* (жигало для прожигания дырки в чубуке — Улзетуй, Тангут, Булуса); *тээг* (поперечина) барг. — *тээг* (коромысло — Алята, Улзетуй); *углуурга* (металлический наконечник для карандаша), барг. — *углуурга* (чехол — Булуса)¹.

Перенос значений может происходить на основе сходства признаков обозначаемых предметов по форме, цвету, характеру действия с признаками других предметов. Сюда относятся такие составные названия, в которых определяемое является общим родовым названием, а определяющее — названием, перенесенным с другого предмета по внешнему сходству сопоставляемых предметов². Здесь в качестве первых компонентов определений выступают имена в именительном падеже, являющиеся наименованиями домашних животных. Кроме того, бывает и такие составные названия, первые части которых не являются переносными определениями, наименованиями других предметов, а лишь представляют собой прилагательные, выражающие качества самого предмета, а также имена в родительном падеже, обозначающие принадлежность того или иного предмета.

Эти составные названия представляют собой семантически нерасчленимые, лексикализованные сочетания. Они служат, главным образом, для выделения предметов по видам, типам и т. д. Например: 1) флора: *хүүн үбүү'эн* (жень-шень), *шүдэр үбүү'эн* (вьюнок), *нохон хоньшоор* (шиповник), *домбо сэсэг* (досл. «цветок-чайник»), *наран сэсэг* (подсолнух); 2) птицы: *хүүн хараасгаэ* (досл. «ласточка-человек»), *үхэр хараасгаэ* (досл. «ласточка-скот»), *морин хараасгаэ* (досл. «ласточка-лошадь»), *шара шубуун* (филин), *сагаан шубуун* (лебедь); 3) полезные ископаемые: *үүхэн*

¹ Примеры заимствованы из работы Г. А. Бертагаева.

² См.: Т. А. Бертагаев. Флексия основ в агглютинативных языках. Сб. тр. по филол., Вып. 1, Улан-Удэ, 1948, стр. 98—120.

шулуун (кварц), сагаан шулуун (известняк), үхэр туулган (свинец), сагаан туулган (олово); 4) домашние животные: яа нохоэ (собачка-мопс); 5) звери: хонин гүрөө'эн (косуля), хара гүрөө'эн (медведь), сагаан гүрөө'эн (белый медведь), ирээн гүрөө'эн (тигр); 6) насекомые: хара сохо (жук майский), эбэртэй сохо (жук-волосогрыз); 7) болезни: хургани эбиэн (болезнь пальца), нарин эбиэн (рак), хоолоэн хаалта (дифтерия), халуун тахул (тиф); 8) разные предметы: сагаан сааруу'ан (писчая бумага), үхэр сааруу'ан (картон) и другие.

Перенос может происходить по смежности значений предметов и явлений: слово *угаабар* (запястье) от слова *угааха* (мыть) в баргузинском говоре дало омонимы *угаабар* (браслет и манжеты на сорочках); слово *хаяа* (уголочек за печкой, где хранится посуда), бытующее в эхирит-булагатском говоре, в баргузинском по метонимии дало *хаяа* (стена).

В баргузинском говоре встречаем отдельные слова, созданные фонетическим способом — способом семантического изменения слов по звукам¹. Например: *басган* (девушка) — *бэсгэн* (младший или младшая), *хоол* (пицца) — *хуул* (сок, питательность), *ёһорлохо* (соблюдать правила вежливости) — *юһарлаха* (угощать), *гоогуу'ан* (дикий лук) — *гээгүү'эн* (дикий лук со съедобным корнем).

Синонимы. В баргузинском говоре синонимные пары образуются для обозначения какого-либо существенного признака предметов и явлений, например: *зоогто* (саранка) от *зоо-* (закапывать, высаживать), *адхуур* (сковородник) от *адха-* (сжимать), *гарса* (брод) от *гара-* (переходить, выходить), *бүглөөдүү'эн* (пробка) от *бүглэ-* (затыкать). Синонимы могут возникнуть также в результате появления новых значений у имеющих в говоре слов: *үргэн* (сплетня) от *үргэн* (челюсть).

Синонимные пары образуются морфологическим путем от разных частей речи, например: *аляадха* (играть) от *алья* (веселый), ср. *наадха* (играть) от *наадан* (игра); *тугаллаха* (телиться) от *тугал* (теленок), ср. *нираалха* (телиться) от *нираэ* (младенческий); *наашалха* (приближаться) от *наана* (ближе, поблизости), ср. *дүтэлхэ* (приближаться, подходить ближе, близиться) от *дүтэ* (близко); *хээрэлхэ* (хоронить) от *хээр* (степь), ср. *хөдөөлхө* (хоронить) от *хөдөө* (место, отдаленное от населенного пункта).

Встречаются синонимы, образованные от одних и тех же корней, но с помощью разных суффиксов: *бабанха* (лаять), ср. *бабарха* (подняться с лаем); *бэбэрхэ* (коченеть от холода), ср. *бэбэнхэ* (дрожать от холода). Кроме того, в говоре наблюдаем множество синонимных рядов, образованных от разных корней, основ: *иг*, *даг*, *хирэ* (грязь); *иргуутхэ*, *хиирхэ*, *улуурха*, *димеэрхэ* (сходить с ума, быть сумасшедшим).

В качестве синонимных пар могут выступать фразеологические и другие сочетания, а также изобразительные слова²: *һүрд гүүлхэ* (воровать, стащить), ср. *хулууша*; *шэм шэм гэхэ* (ныть — о боли), ср. *шэмшиэрхэ*; ута *гартэ* (вор, воры), ср. *хулууша*; *ёро харха* (предвещать, предвидеть плохое), ср. *ёролхо*.

Кроме того, в качестве синонимов употребляются и заимствования. Так, в результате заимствования из хоринского диалекта и литературного языка в баргузинском говоре имеются такие пары, как *үгэ*, *хүүр* (слово); *сонхо*, *шагаабар* (окно), *хура*, *бороо* (дождь), а в результате заимствований из русского языка, часть которых идет через литературный язык, имеем:

¹См.: Т. А. Бертагаев. Флексия основ в агглютинативных языках. «Сб. тр. по филол.» Вып. 1, Улан-Удэ, 1948, стр. 98—120.

²См.: Л. Ш. Шагдаров. Изобразительные слова в современном бурят-монгольском языке. (Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук). Л., 1958.

халаа'ан, *хармаан* (карман); *самса*, *хоштиюм* (костюм); *хонхосоз*, *астахаан* (стакан), *хүзүүбиш*, *шаарпаг* (шарф); *үлгүүр*, *сапуушиха* (цепочка); *халабиша*, *забаали* (завалинка); *сэбэрээр*, *сиис* (начисто); *хала*, *пирбоозо* (перевоз, переправа); *хүбэрэг*, *бүүлхэ* (булка).

О м о н и м ы. В баргузинском говоре различаются следующие типы омонимов: 1) омонимы корневые, образованные путем случайного совпадения звукового состава слов: *бии* (я), *бии* (есть), *бии* частица (разве, неужели); 2) омонимы словообразовательные, не имеющие между собой связи, возникшие независимо друг от друга: *үлгээсэ* (бельевой шнур), *үлгээсэ* (вешалка); 3) омонимы, образованные в результате фонетических изменений в звуковом составе слова: *уур* (рассвет) в сочет. *уур саэха* (рассветать), *уур* (гнев); *хурган* (ягненок), *хурган* (палец); *хаз* (передняя нога туши), *хаз* (ведь, пожалуй); 4) омонимы, возникшие в результате совпадения звукового состава собственных и заимствованных слов: *шүүрхэ* (чурка), *шүүрхэ* (хватать, клюнуть); 5) омонимы, образованные в результате утери преемственной семантической связи переносных значений с первоначальным значением слова: *һара* (месяц), *һара* (Луна); *солбон* (ловкий), *Солбон* (Венера).

П а р н ы е с л о в а. В баргузинском говоре парные слова по своим значениям классифицируются на: а) слова, имеющие собирательное значение, иногда с функцией множественного числа: *хибсаһа хунар* (одежда и прочее), *хоньшии хонор* (рукава и прочее), *малгаэ толгоэ* (шапка и прочее), *суглаан муглаан* (собрание и прочее), *хүрэи хүшэ* (городьба и прочее), *адалхэ шэдээхэл* (колючее и прочее), *бургаа'ан хургаа'ан* (прут и прочее), *хэрүүр аруур* (ссоры и прочее), *үри шари* (долг и прочее), *д'буу донхи* (возвышенность и прочее), *амтуур шэмтүүр* (прикус и прочее); б) парные слова, обозначающие отвлеченные и обобщающие понятия: *гарбал түрбэл* (родственники), *аха дүү* (родственники), *хада агуула* (горы), *эхэ эсэгэ* (родители), *гэр балгаа'ан* (постройка), *ута тагтар* (длина), *халуу хүитэн* (температура), *үндэр намтар* (высота).

Парные слова по структурным признакам могут быть подразделены на: а) смежные пары, состоящие из синонимов: *хада уула* (горы), *орон нютаг* (родина), *багажэ зэмсэг* (инструменты и прочее), *таряа талхан* (урожай), *үхэр мал* (скот); б) контрастные пары, состоящие из антонимов: *аха дүүгөй* (и стар и млад); *һаэтаяа муутаяа* (как хорошие, так и плохие), *хлууу хүитэн* (температура), *хүндэ хүнгэн* (вес); в) скрещенные пары, состоящие из собственных слов и слов, заимствованных из хоринского диалекта, литературного языка или русского языка: *бороо хура* (дождь), *үгэ хүүр* (слово), *машина тошиило* (машина и прочее).

Ф р а з е о л о г и ч е с к и е в ы р а ж е н и я. Фразеологические выражения, употребляющиеся в исследуемом говоре, мало отличаются от подобных выражений литературного бурятского языка. Лишь некоторые фразеологические сочетания, употребляющиеся в литературном языке, могут отсутствовать в баргузинском или наоборот. Например, сочетание *соохор мори гүйлгэхэ* (играть в карты), *ута аргамжа татаха* (создавать волокиту), употребительные в литературном языке, отсутствуют в баргузинском говоре. Такие выражения, как *гахаэ яла болхо* (важничать), *нюдэ манха* (наблюдать за кем-либо), *шараэ адуулха* (следить за кем-либо), *нюур харха* (сделать что-либо по благу), *нюдэ амаа хахараар* (сроду, совсем), *һабаада мэдүүлхэ* (выставлять себя), *ахун бараан соо* (невпопад, наугад), *һагтаа унха* (изнемогать, замаяться) и другие имеют место, напротив, в баргузинском говоре, но не встречаются в литературном языке.

Фразеологические сочетания в исследуемом говоре и по своей струк-

туре примерно делятся на следующие группы¹: а) удвоенные назывные неразложимые сочетания: *нохоэн хоньшоор* (шиповник), *үхэр буу* (пушка), *хүүн үбүү'эн* (жень-шень) и другие; б) удвоенные субстанционально-глагольные сочетания: *нюур харха* (лицемерить), *ада үзэхэ* (ненавидеть, презирать), *улхархаяа бусалгаха* (спать), *амья бүтхэ* (сердиться, злиться), *хул худэлгэхэ* (выкинуть ребенка) и другие; в) удвоенные причастия—субстанциональные сочетания: *һүлдээ алдаһан* (трусливый) и другие; г) объективно-субстанциональные сочетания: *хоо'он аман* (пустослов, пустое обещание), *үүхэн нюдэн* (близорукий, подслеповатый) и другие; д) удвоенные объективно-субстанциональные сочетания: *аман дээрээ хүүртэй* (находчивый, за словом в карман не полезет), *хамартаа ууртай* (вспыльчивый), *ута гартаэ* (вор) и другие; е) удвоенные адвербиально-глагольные сочетания: *голоо таһа* (окончательно), *тархьяа хаха* (совсем, окончательно), *һүлдэээ таһа* (до смерти, до крайней возможности) и другие; ж) субстанционально-объективные сочетания: *нюдэн балээ* (вслепую, на авось), *нюдэндэ дулаан* (приятный, милый) и другие; з) распространенные фразеологические сочетания: *һүхэээ буруу эшэлхэ* (быть не в духе, быть несговорчивым, отказаться от прежних обещаний), *нохоэн дуун оэртхо* (приближаться к концу) и другие.

Архаизмы. В связи с быстрым темпом общественно-экономической жизни, многие слова выходят из повседневного употребления, архаизируются. Слова, ныне активно бытующие в эхирит-булагатском говоре (*дүүхэй* — девушка, зазноба, *ахаэ* — молодой человек, *бүүбэй* — ребенок и другие), в баргузинском говоре встречаются только в улигерах, в старинных песнях. Многие слова встречаются только в сочетаниях, тогда как в самостоятельном виде они баргузинским бурятам неизвестны: *һагтаа унаха* (изнемогать), *һагтаа* — неизвестно; *дабаагоэ* (нескромный, наглый), *дабаа* отдельно не бытует; *бадагоэ* (добротный, замечательный), *бада* тоже нет; *төһөөгөи* (очень), *төһөө* неупотребительно; *шубуу шонхор* (птицы и прочие), *шонхор* не бытует; *хубсаһа хунар* (одежда и прочее), *хунар* — не имеет самостоятельности; *аг тулха* (наотрез отказаться), но *аг* — неизвестно и т. п.

О заимствованиях из русского языка. В словарном составе баргузинского говора заимствованные из русского языка слова занимают значительное место. Благоприятное экономическое, культурное и политическое влияние русского народа наложило отпечаток на лексику рассматриваемого говора.

В баргузинском говоре слова *зээрхэл* (зеркало), *сулхи* (чулки), *поршоонхо* (поросенок), *хольнии* (клоп), *палаатшаг* (платье) и другие являются заимствованными, тогда как в других говорах употребляются свои бурятские слова: *гэрэл* (зеркало), *оэмһон* (чулки), *һорёһон* (поросенок), *хабтагаэ* (клоп), *халдаэха* (платье).

В исследуемом говоре бытуют также заимствованные глаголы: *замараэха* (замарать), *заэмалха* (дать взаймы) вместо соответственно — *будаха* и *урьһалха* в литературном языке.

В процессе усвоения говором заимствованные слова могут приобретать иные значения, суживаться или расширяться в своих значениях. Например, слово *комсод* (комитет содействия школам) в исследуемом говоре бытует в значении *возчик продуктов учащимся, живущим в интернате*. Отдельные заимствованные из русского языка слова в баргузинском говоре употребляются в измененных значениях, например: *хоштюум* (костюм) употребляется в значении *пиджак, хилёонхо* (клеенка) в значе-

¹См.: Т. А. Бертагаев. Об устойчивых фразеологических выражениях. «Сб. тр. по филол.» Вып. II, Улан-Удэ, 1949, стр. 64—119.

ний *скатерть, базар* (рынок) в значении *фабричный, заводской* (базар хапча — изделие фабричного изготовления), *шүжөөлхэ* (седелка) в значении *чересселельник* и т. д. Подсбные явления встречаются и в других говорах. В частности, в агинском подговоре слово *ухват* употребляется в значении *кочерга* (у агинских бурят не было русской печи, потому и не происходили ухватом, а название его по сходству функции было перенесено на кочергу).

Заемствованные слова в баргузинском говоре встречаются не во всех пластах его лексики. Не случайно встречаются редко или вовсе не встречаются заимствования из русского языка в области животноводства или родства людей, в области охоты или названия частей тела человека.

В баргузинском говоре встречаются заимствования, суффиксальная часть которых является необычной для русского языка, например: *харбуульниг* (караул), *пороосниг* (простыня), *бороэмног* (бревно), *өрхэмэйдхэ* (рукомойник), *палаатшаа* (платье), *тансабааха* или *тансабаадалха* (танцевать).

Из русского языка заимствуются слова (имена) не только в форме именительного падежа, но и в других падежных формах, но воспринимаются в значении именительного падежа, например, слово *лаптуу* (лапта) заимствовано из русского языка в форме винительного падежа.

Ныне словарный состав баргузинского говора, отражая новые социалистические преобразования, происшедшие за советский период, пополнился новыми словами, выражениями. Вместе с тем из его словаря выпали устаревшие слова, связанные со старым бытом, административно-управленческим аппаратом и религиозной идеологией.

Одной из характерных черт послеоктябрьского заимствования из русского языка является то, что слова в исследуемом говоре заимствуются через посредство литературного бурятского языка.

Заимствованы слова, обозначающие названия органов местной власти, партийных и общественных организаций, организаций культуры и просвещения, форм общественных отношений, классовой дифференциации, профессий людей, средств связи и транспорта, предметов быта и домашнего обихода: *бюроо* (бюро), *хулүүб* (клуб), *яасли* (ясли), *дипутаад* (депутат), *митингэ* (митинг), *хулааг* (кулак), *холхооз* (колхоз), *хамбааян* (комбайн), *барааша* (врач), *шоопир* (шофер), *тилпоон* (телефон), *мотсыхал* (мотоцикл) и т. д.

Речь шла о влиянии русского языка на лексику баргузинского говора. Вместе с тем нельзя не упомянуть об обратном влиянии — о влиянии исследуемого говора на речь местного русского населения. В речи местного русского населения ныне встречается ряд бурятских лексических заимствований, например: *бурун* (годовалый теленок), барг. *буруу*; *хаширик* (двухгодовалый бычок), барг. *хашираг*; *адали* (однаковый, похожий), барг. *адли*; *абга* (дядя), барг. *абга*; *алда* (маховая сажень), барг. *алда*; *алтын* (золото), барг. *алтан*.

О влиянии старобурятской письменности. Старобурятская письменность в Баргузине имела широкое распространение. Ныне встречается много людей из старшего поколения, владеющих этой письменностью. Вполне естественно, что она не могла не оставить в баргузинском говоре некоторых следов. Через эту письменность попали в лексику баргузинского говора монгольские слова типа: *эдэгэ* (ныне, сначала), *индээр* (помост, пол), *болбосоруулха* (культивировать), *албан* в знач. *служба* и др.

Кроме того, в баргузинском говоре сохранились формы слов типа

сургуули (школа), лит. *хургуули*; *осол* (несчастный случай) вм. *оһол* и т. п.

О топонимике. Как известно, местные географические названия, особенно названия рек, гор, озер и т. д., в течение длительного времени сохраняют старые свои наименования, независимо от перемен населения. Поэтому разбор топонимики имеет серьезное значение и при разрешении некоторых языковедческих проблем.

По Баргузину нами собрано около тысячи географических названий. Они по своему происхождению делятся на 3 группы. Первую группу составляют эвенкийские названия, образованные с помощью суффиксов: а) *-хаан, -хоон, -хээн* (по-эвенк. *-каан*) — Лугшхаан, Хурамхаан, Буурхаан, Дагальшхаан, Булдухаан, Аргатхаан, Бүхсэхээн, Улаанхаан, Огноохон, Шүгшэхээн, Гаахаан, Ачатхаан, Готхоон, Буисхаан, Шиирхаан; б) *-та, -то, -тэ* (по-эвенк. *-кта, -кто, -ктэ*) — Яарагта, Мэарагта, Тунхалаагта, Даспаагта, Мунхалаагта, Гэльхэгтэ, Турхигта, Томогто; в) *-нга, -нго, -нгэ* — Шэлбэнгэ; г) *-хи* — Нүхти, Ёиильтихи; д) *-гаан, -гоон, -гээн* — Унигаан, Түнгээн; е) *-хэд* — Хүрмээхэд, Хүхэлмээхэд; ж) *-са, -со, -сэ* — Далса, Оолсо, Ээгсэ, Тааса; з) *-ли* — Нахули, Асуули; п) *-хин* — Тураахин, Даахин; к) *-шаан, -шоон, -шээн* — Шэбэгшээн, Хадагшаан, Сээлигшээн, Буугшаан и другие.

Все вышеперечисленные суффиксы характерны для эвенкийского языка¹. А многие из них, в частности, суффиксы *-нга, -нго, -нгэ; -кта, -кто, -ктэ* встречаются в родовых названиях маньчжуров².

Эвенкийские географические названия, попав в лексику баргузинского говора, подверглись изменению соответственно его фонетической системе и получили иной звуковой облик. Тем не менее вполне возможно установить их первоначальные значения. Например: А л л а (село), по-эвенк. *олло* (рыба); Т а а л а (село), по-эвенк. *таалэ* (береста); Г а а г и н а (озеро), по-эвенк. *гаага* (лебедь); Э е э (местность), по-эвенк. *ээ* (низовье реки); Д э р э э н (местность), по-эвенк. *дэраан* (исток реки); Я н и и (местность), по-эвенк. *агши* (тайга, лес); Б а г д а р а н (село), по-эвенк. *багдама* (белый известняк); О о л с о (речка), по-эвенк. *оолос* (пожелтевшие листья); Б у у г ш а а н (возвышенность), по-эвенк. *букачаан* (бугор, холм, сопка); М а а р а г т а (местность), по-эвенк. *маарик* (прутья) и другие.

Вторую группу составляют топонимические названия бурятского происхождения: Б а р г а ж а н — от *барга* (глухой, лесистый, малоосвоенный) и суффикс *-жан*³; Б а я н г о л — от *бян* (богатый) и *гол* (долина); Х а ш а а р г а н т а — от *хашааргана* (карась) и т. д.

Многие бурятские географические названия образованы от названий флоры: У л а а г а н т а — от *улаагана* (красная смородина); Х а с у у р и н н у г а — от *хасуури* (елка); З о о г т о э н м а р а э н — от *зоогто* (сарана); Д о л о о н н а р у у ' а н (семь сосен).

Часть названий связана с именами жителей или владельцев того или иного участка: Д о м е о г и н у г а (луг Домэ), С о о х о н д о э н н у г а (луг Сохондоэ), Г а м б а л и д у б у у н (возвышенность Гамбали), Г а л з у у ш и н у г а (луг Галзута), А р а н з а э н о л ь т о р о г (остров Аранзая), М о л х о о б и н у у р (озеро Молхоби), Х у г ш э н

¹См. В. А. Горцевская. Характеристика говора баргузинских эвенков. М.—Л., 1936; Г. М. Василевич. Эвенкиско-русский словарь (разд. «Грамматический очерк эвенкийского языка»), М., 1958.

²См.: Е. П. Лебедева. Лингвистический анализ родовых названий маньчжуров, «ВЯ», № 3, 1958, стр. 103.

³См. об этом: Т. А. Бертагеев. Об этимологии слов баргуджин, баргут и тукум. «Филол. и ист. монг. народов». М., 1958, стр. 173—174.

ноённи хээр (степь Старого нойона), Эмлээнни сээл (глубокое место в реке Эмлена), Тангаани нуга (луг Тангана).

Некоторые географические названия образованы от названий насекомых, рыб, зверей, водящихся в данной местности: Могоэто — от *могоэ* (змея); Унэгэтэй — от *үнэгэн* (лиса); Зүгэйтэ нуур от *зүгэй* (оса); Хорхоэ нуур — от *хорхоэ* (червяк); Гутаарта — от *гутаар* (налим); Галтаэ — от названия светлячков.

Топонимические названия создаются также по признакам, присутствующим в данной местности, краю: Шара тала (желтая степь), Сагаан нуур (белое озеро), Хара оэ (глухой, букв. «черный» лес), Шара мараэн (желтая лысая гора), Хара үшөө'эн (черные ивы), Нүхэн нуур (яма-озеро), Аразагуун (задний загон), Баян толгоэ (богатая сопка), Хара нуур (черное озеро).

Часть географических названий создается по названиям предметов, веществ, наличествующих в данной местности: Элүү'эн — от *элүү'эн* (песок), Саһандаэ — от *саһан* (снег).

Третью группу топонимических названий территории Баргузина составляют названия русского происхождения: Шаманха — от слова *шаманка*; Тоопхо от слова *топка*.

За советское время ряд местностей, сел получил новые названия: Уржэл, Суял, Арбижил — от названия колхозов, Ваянгол — от названия села.

Топонимика Баргузина в подавляющем своем большинстве состоит из эвенкийских названий, заимствованных баргузинскими бурятами. Но, с другой стороны, следует отметить и влияние баргузинского говора на говор баргузинских эвенков. Более того, баргузинские эвенки ныне почти все хорошо владеют бурятским языком. Приведем бурятские слова, бытующие в языке местных эвенков:

в говоре баргузинских эвенков	в литературном эвенкийском языке	значение
гатаһун	мо	кол
баэтаһун	умари	яловая
индээр	нет	полка
зоогто	нет	саранка
баэса	кэкса	скала

Обурятских именах. В именах людей в какой-то мере отражается историческое прошлое народа. При рассмотрении имен баргузинских бурят выясняется, что представители более ранних поколений имеют в основном бурятские имена, потом появляются некоторые эвенкийские имена. Вслед за эвенкийскими выделяется группа имен, связанных с шаманской верой, а затем с буддийской религией. Современные поколения баргузинцев во многих случаях носят русские имена. Правда, русские имена встречаются и у пожилых людей, в частности, в селе Улюн. Дело в том, что в этом селе в прошлом жили крещенные буряты, получившие русские имена (Тараскины, Цивилевы и другие).

Такие имена, как *Сумбэл*, *Сэнхирээн*, *Гоосоон*, *Ятуулаэ* и другие являются эвенкийскими. Они встречаются и у самих эвенков. Среди эвенкийских или близких к ним по звуковому составу имен своеобразную группу составляют имена типа *Попо*, *Попончи*, *Потхо*, *Порхо*, *Порхоон*, *Портхо*, *Пэшхэ*, *Пэхонии*, *Пүмэ*, *Шэлэ*, *Хоно*, *Олээ*, *Пэрэн*, *Порзонной*, *Шаана*, *Шаанин*, *Шэлпашха*.

Такие имена, как *Баяр*, *Сэсэг*, *Сэнгэ* и другие, являются собственно бурятскими. Среди них имеется еще определенная группа имен, связанных с различного рода предрассудками. Так, буряты своим детям давали

«скрытые» от шаманских духов имена, называя их словами, обозначающими домашних животных: *Азарга* — от *азарга* (жеребец), *Буха* — от *буха* (сык, порос), *Тэхэ* — от *тэхэ* (козел), *Хуса* — от *хуса* (баран), *Эшэгээдэй* — от *шигээн* (козленок). К этой группе примыкают также имена-прозвища, в основе названий которых лежат также религиозные пред-рассудки: *Аргаа'ан* — от *аргал* (кызяк), *Муу Иэи* — от *муу иэи* (худая баба), *Холбссихо* — от *холбссихо* (булка хлеба), *Хуаа Буруу* — от *хуаа буруу* (каурый теленок), *Шабаалаэ* — от *шабаа'ан* (свежий нагез).

Многие бурятские имена образованы при помощи различных суффиксов на базе основ, обозначающих какие-либо признаки предметов и явлений, например: *Онгсэди* — ср. *онгогор* (раскрытый, зияющий), *Шарлуу* — ср. *шара* (желтый), *Хс рлуу* — ср. *хара* (черный), *Урбуушха* — ср. *урбагар* (свернутый — о веке), *Ёдоэ* — ср. *ёдогор* (торчащий, остро-конечный), *Амхаан* — ср. *амхагар* (беззубый), *Сагаалаэ* — ср. *сагаан* (белый), *Илаалдахэ* — ср. *илаалдаха* (прилипиться), *Хабтагаэ* — ср. *хабтагар* (плоский), *Зууралдахэ* — ср. *зууралдаха* (пачкаться), *Малаасгаэ* — ср. *малаан* (лысый), *Шишхэ* — ср. *шишхаха* (кричать, вопить), *Шодноэ* — ср. *шодогор* (тонкий, короткий).

Есть имена, образованные от прилагательных, а также и других имен: *Хүсэд* — ср. *хүсэд* (полный, целый), *Түгэд* — ср. *түгэд* (полный, целый), *Элбэг* (сбильный, богатый, изобилующий), *Элбэн* — ср. *элбэн* (обильный, изобилующий); *Зургаан* — ср. *зургаан* (шесть), *Хаалга* — ср. *хаалга* (ворота).

В исследуемом говоре в качестве имен иногда подбираются названия, обозначающие или подчеркивающие какие-либо желаемые детям качества, например: *Булад* — ср. *булад* (сталь), *Арсалан* — ср. *арсалан* (лев), *Баяр* — ср. *баяр* (радость, веселье), *Этигэл* — ср. *этигэл* (надежда, вера), *Номшо* — ср. *номшо* (любящий или читающий много книг), *Мүнхэ* — ср. *мүнхэ* (вечный, постоянный), *Амгуулан* — ср. *амгуулан* (тихий, мирный, спокойный).

Названия местных имен бургузинских бурят связаны с распространением ламаизма. Например, такие имена, как *Бадма*, *Пагма*, *Ганжуур*, *Буда*, *Ошор* и другие, были даны ламами.

Имеется также значительное количество и составных имен, притом первые компоненты их всегда являются бурятские имена прилагательные: *Элбэг-Доржо*, *Хара-Доржо*, *Хүхэ-Хүбүүн*, *Нашан-Бата*, *Наган-Зана*, *Бадма-Сэрэн*, *Базар-Сада*, *Сэрэн-Дулма*, *Дори-Ханда*. В таких составных именах вторыми компонентами чаще выступают имена, заимствованные из тибетского языка: *Дари*, *Жаб*, *Маа*, *Ссо*: *Маандари*, *Сагаандари*, *Хандассо*, *Гамажаб*, *Сангажаб*.

Нередко имена образуются от одних и тех же корней с помощью разных суффиксов: *хүбүүн* — *Хүбүүлэй*, *Хүбүүтхээн*, *Хүбүүнэйшхэ*, *Хүбүүдээн*, *Хүбүүшээн*; *омо* — *Омсоз*, *Омсосоз*, *Омоодхо*; *дүү* — *Дүүлээн*, *Дүүдхээн*; *лама* — *Ламашха*, *Ламатхаан*, *Ламашхоо*, *Ламажаб*, *Ламадин*.

В качестве словообразовательных суффиксов выступают суффиксы, придающие именам людей какие-либо уменьшительно-ласкательные оттенки: *Бата* — *Батуузах*; *Бобсо* — *Бобоолоз*; *Молон* — *Молондой*; *Муту* — *Мутууназ*; *Буха* — *Бухадин*.

Одни и те же имена выступают в разных фонетических вариантах: *Мухаа* — *Мухуу*; *Мунхаар* — *Монхоор*; *Сүхээн* — *Сүхөөн*; *Пүксэг* — *Пүксаг*.

Обращает на себя внимание тот факт, что отдельные слова, активно употребляемые в других говорах, в исследуемом говоре сохраняются только в именах людей: *бөөбэй* (ребенок) — эх. бул., ср. *Бөөбэй* — имя (барг.); *муха*, *мухаа* (милая) — лит., ср. *Мухаа* — имя (барг.). Такие русские

имена, как *Болооди*, *Бааси*, *Наади*, *Угтябар*, *Хуманаар* и другие, носит в основном молодое поколение баргузинских бурят. Среди современных имен есть и бурятские имена: *Хубисхал* — от *хубисхал* (революция); *Эрхэтэ* — от *эрхэ* (право); *Арбижил* — от *арбижала* (богатеть); *Баяр* — от *баяр* (радость); *Баатар* — от *баатар* (богатырь).

* *
*

В целом лексика баргузинского говора, несмотря на свое богатство и разнообразие, все же значительно беднее лексики литературного бурятского языка. Например, термины, связанные с хайнаководством, верблюдоводством и войлочной юртой, совершенно неизвестны носителям этого говора. Кроме того, еще слабо внедряются в лексику этого говора общественно-политические и научно-технические термины.

Между тем основным источником литературного языка является общенародный язык с его диалектами и говорами. «Язык создается народом. Деление языка на литературный и народный значит то, что мы имеем так сказать «сырой» язык и язык, обработанный мастерами»¹.

Хоринский диалект, легший в основу литературного языка, таит в себе наиболее общие элементы общепурятского языка и считается одним из богатых диалектов бурятского языка. Но это не значит, что один хоринский диалект составляет литературный язык; последний обогащается за счет всех других диалектов и говоров. В литературный язык должны войти слова из других говоров, неизвестные диалекту, легшему в его основу. Например, в словарном составе байкало-кударинского говора широко представлена лексика по рыболовству, которая должна войти в лексический фонд литературного языка². Кроме того, в литературный язык должны войти те слова, которые имеют наиболее широкое употребление в большинстве диалектов и говоров. А те слова хоринского диалекта, которые расходятся с этими общими адекватными словами, бытующими в большинстве других диалектов и говоров, должны отпасть как диалектизмы, несмотря на то, что этот диалект лег в основу литературного языка.

Из баргузинского говора, на наш взгляд, могли бы быть приняты в литературный язык слова, обозначающие названия разных птиц, зверей, частей тела людей и животных, разных предметов, которые пока неизвестны литературному языку. Например: *сахилжаан*³ (дикорастущий съедобный горох), он растет только в Баргузине, *тооплин*, *шобхо*, *дэгдэ* — названия лекарственных растений, *сухай* (кустарник, из которого делают мундштук, кнутовище), *эмхэлжэн* (вид сараны), *хомхолжон* (вид сараны), *торомжоо* (зажим сережки), *голоод* (обувь без голенищ — род ботинок), *шэгшүүргэ* (костяная зубочистка-палочка), *набига* (женское украшение, плетеное из шелковой нити с кистями), *нэртэбиэ* (клипсы, серьги с кистями), *болоосгоэ* (маленький язв), *мириихэй* (маленький хариус), *балагтай* (внутренняя часть рыбы, состоящая из сгустка крови), *панаага* (деревянное приспособление (доска), служащее охотнику для ношения груза на спине), *устуунай* (кастрированный взрослый жеребец), *заһамаг*, или *аһамаг* (кастрированный взрослым бык, баран), *хотохо* (страдать болезнью рта, языка), *ёдообой* (кофейник), *сагбуур* (выкройка обуви, одежды), *сардаһан* (раствор глины с песком), *һагаадаһан* (скошенное сено, оставшееся после наводнения), *хахаадаһан* (плоский деревян-

¹Л. Горький. О литературе. М., 1937, стр. 220.

²См. об этом: Д. А. Абашеев. Заметки по говору байкало-кударинских бурят..., стр. 142—143.

³Рекомендуемый для заимствования список слов дается здесь в орфографированном написании.

ный клин, например, для ножки стола, ручки топора), *шулуур* (гнилой камыш) и т. д.

Некоторые слова, употребительные в баргузинском говоре, по своему происхождению являются исконно бурятскими, тогда как в литературном языке вместо них употребляются заимствованные слова: барг. *шэргүүбиэ*, а лит. *оглёбо*; барг. *хэршээ'эн*, а лит. *зоплоотниг* и другие.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Морфологический строй литературного бурятского языка и баргузинского говора в основном един. Различие касается, в общем, степени распространенности словообразовательных суффиксов, перехода слов из одних частей речи в другие, из самостоятельных слов в служебные. Например, некоторые самостоятельные части речи литературного языка в этом говоре употребляются в значении служебных слов. А некоторые послелоги, союзы и частицы, широкоупотребительные в литературном языке, в баргузинском говоре оказываются неупотребительными или малоупотребительными и т. д.

Об именах существительных

Категория рода в бурятском языке, как и в его говорах, морфологически не выражается, мужской и женский пол различаются лексически. В качестве таких лексических показателей пола в баргузинском говоре выступают слова типа *эхлуур* (женский), *неэн* (корова), *буха* (бык), *эрэ* (мужской), *эмэ* (женский): *эхлуур хокин* (овца-матка), *неэн буруу* (годовалый теленок-матка), *буха тугал* (теленоч-бычок), *эмэ гахаз* (свинья-матка).

Категория множественности в этом говоре выражается при помощи разных формантов, расходящихся с литературным языком только по степени их распространенности.

1. В баргузинском говоре, как и в эхирит-булагатском, суффикс *-д* более распространен, чем в литературном языке¹. Этот суффикс принимается словами, оканчивающимися: а) на согласные *р, л, н*: ед. ч. *үхэр* (скот) — мн. ч. *үхэд* (лит. *үхэрнүүд*); ед. ч. *нөхөр* (друг) — мн. ч. *нөхөд* (лит. *нүхэдүүд*); ед. ч. *дэгэл* (шуба) — мн. ч. *дэгэд* (лит. *дэгэлнүүд*); ед. ч. *үбгэн* (старик) — мн. ч. *үбгэд* (лит. *үбгэдүүд*); ед. ч. *ноён* (начальник) — мн. ч. *ноёд* (лит. *ноёдууд*); б) на дифтонги: ед. ч. *гахаз* (свинья) — мн. ч. *гахад* (лит. *гахайнууд*); ед. ч. *нохоэ* (собака) — мн. ч. *ноход* (лит. *нохойнууд*); ед. ч. *бээлэ* (рукавицы) — мн. ч. *бээлэд* (лит. *бээлэйнүүд*); в) на краткие гласные: ед. ч. *хуса* (баран) — мн. ч. *хусад* (лит. *хусанууд*), ед. ч. *баха* (лягушка) — мн. ч. *бахад* (лит. *баханууд*); ед. ч. *таху* (подкова) — мн. ч. *тахад* (лит. *таханууд*); ед. ч. *заха* (воротник) — мн. ч. *захад* (лит. *заханууд*).

Следует, однако, отметить, что некоторые имена, оканчивающиеся на *р, л, м*, могут образовать множественное число, как и в литературном языке, посредством суффикса *-нууд (-нүүд)*, например: ед. ч. *гэр* (дсм) — мн. ч. *гэрнүүд* (совпадает с лит.), ед. ч. *гүрбэл* (ящерица) — мн. ч. *гүрбэлнүүд*, ед. ч. *арал* (остров) — мн. ч. *аралнууд*, ед. ч. *гар* (рука) — мн. ч. *гарнүүд*, ед. ч. *газар* (земля) — мн. ч. *газарнууд*.

2. Суффикс *-ууд (-үүд)* употребляется при образовании множественного числа от именной основы, если последняя оканчивается на задне-

¹По мнению С. А. Козина, в монгольском языке одним из наиболее распространенных суффиксов множественности был суффикс *-д* (См.: «К вопросу о показателях множественности в монгольском языке». «Уч. зап. ЛГУ, серия филол. наук». Вып. 10, Л., 1946, стр. 120—136).

язычный согласный *нг*, например: ед. ч. *онг* (год) — мн. ч. *онгууд* (лит. *онууд*), ед. ч. *анг* (зверь) — мн. ч. *ангууд* (лит. так же), ед. ч. *дэнг* (лампа) — мн. ч. *дэнгүүд* (лит. так же).

3. Суффикс *-тан* (*-тон*, *-тэн*) употребляется для образования имен, обозначающих не только семейство, но и людей одной профессии с собирательным значением: *ахатан* (семья брата), в лит. то же, *абгатан* (семья дяди), *багшатан* (учительство), в лит. *багшанар*.

В баргузинском говоре, как и в эхирит-булагатском, отсутствует суффикс множественного числа *-нар* (*-нор*, *-нэр*), распространенный в литературном языке. Остальные суффиксы мн. ч. баргузинского говора совпадают с такими же литературного языка.

Суффиксы словообразования имен существительных. Суффиксы, образующие существительные от глаголов: 1) *-аан* (*-оон*, *-ээн*): *сохилдоон* (драка), *буудалдаан* (стрельба), *хэрэлдээн* (ссора), *хамжаан* (магазин), *дуулаан* (пение); 2) *-л*: *ахил* (уменьшение), *нанал* (мысль), *бодол* (мысль), *гүидэл* (беготня), *хурал* (ламская молитва); 3) *-уур* (*-үүр*): *барюур* (ручка), *харуур* (фуганок), *хазуур* (щипцы), *сахюур* (кремень), *хэрүүр* (ругань); 4) *-са* (*-со*, *-сэ*): *бариса* (улов, добыча), *ургаса* (урожай), *үгэсэ* (отдача, сдача); 5) *-даа'ан* (*-доо'он*, *-дуу'ан*), ср.лит. *-да-хан* (*-дохон*, *-дэхэн*): *таглаадуу'ан* (пробка), *хаядуу'ан* (отбросы), *халаа-дуу'ан* (заплата); 6) *-га* (*-го*, *-гэ*): *нюдарга* (кулак), *ёборго* (кулачный удар), *хабирга* (ребро); 7) *-лаа* (*-лоо*, *-лээ*): *хадхуулаа* (воспаление легких); 8) *-лан* (*-лон*, *-лан*): *гаслан* (трудности, препятствия), *зоболон* (мучение); 9) *-ааса* (*-оосо*, *-ээсэ*): *үлгээсэ* (вешалка), *болгоосо* (осторожность).

Суффиксы, образующие существительные от имен: 1) *-шан* (*-шон*, *-шэн*): *малишан* (скотоводы), *түлэзшэн* (возчик дров), *хонишон* (овцеводы); 2) *-биша* (*-бишо*, *-биэ*): *үргэбишэ* (ноша), *хонь-шообишо* (переда узды), *хасабиша* (ушки ушанки); 3) *-рга* (*-рго*, *-ргэ*): *бүг-лээрэгэ* (затычка), *таглаарга* или *таглуурга* (пробка, затычка), *бүүргэ* (лука у седла).

Малораспространенные суффиксы: 1) *-сая* (*-соэ*, *-сэй*): *тэбхэсэй* (подушка на стульях), *табхасая* (чурбан), *хонхосоя* (стакан); 2) *-ая* (*-оэ*, *-эй*): *дээлэй* (безрукавка, сшитая из кожи); 3) *-даан*: *мухардаан* (комолая корова), *ябхардаан* (четырёхскатная крыша у дома); 4) *-нсаг*: *нэрхинсэг* (анат. книжка); 5) *-лжаа*: *гурбалжаа* (тринога — путы для лошадей); 6) *-жаан* (*-жөөн*): *өбөлжөөн* (зимнее стойбище), *хабар-жаан* (весеннее стойбище); 7) *-аалин*: *базалин* (свояки); 8) *-нсэр*: *зээнсэр* (сын племянника — по женской линии).

Суффиксы собирательности: 1) *-тан* (*тон*, *-тэн*): *багшатан* (учительство), *нургуулитан* (ученые, образованные), *зөөритэн* (имущие); 2) *-шуул* (*-шүүл*), *-шууд* (*-шүүд*): *залуушуул* (молодежь), *багашуул* (дети), *баяшууд* (богачи); 3) *-аархин* (*-оорхин*, *-ээрхин*): *нюта-гаархин* (земляки), *гоородоорхин* (городские).

Уменьшительно-ласкательные суффиксы: 1) *-хаз* (*-хоэ*, *-хэй*): *шубуухаз* (птичка), *Батуухаз* (имя в ласкательной форме), *эмээлхэй* (седелка); 2) *-нсаг* (*-нсог*, *-нсэг*), суффикс малораспространенный: *гойнсог* (украшение); 3) *-жаан* (*-жоон*, *-жээн*, *-жөөн*), суффикс малораспространенный: *нөхөржөөн* (дружок), *өбөлжөөн* (зимник); 4) *-сгээ* (*-гоэ*, *-сгэй*), суффикс малораспространенный: *хүбүүсгэй* (мальчишка), *хүхсэгэй* (трясогузка); 5) *-маэ*, суффикс малораспространенный: *нуурмаэ* (озерко, пруд).

Склонение имен существительных. Склонение имен в баргузинском говоре расходится со склонением в литературном языке, главным образом, в родительном и винительном падежах. Здесь говор баргузинских бурят совпадает с говорами западных бурят.

Родительный падеж оформляется посредством аффиксов:

1) *-аэн (-оэн, -ээн)*, ср. лит. *-ын*, если основа существительных оканчивается на краткие гласные: *аха — ахаэн* (брата), лит. *ахын*, *заха — захаэн* (воротника), лит. *захын*, *баха — бахаэн* (лягушки), лит. *бахын*; *тала — талаэн* (степи), лит. *талын*. Некоторые заимствованные из русского языка имена, оканчивающиеся на согласные звуки, в родительном падеже принимают также аффикс *-аэн (-оэн, -ээн)*: *холхооз — холхоозэн* (колхоза), лит. *колхозой*, *собхооз — собхоозэн* (совхоза), лит. *совхозой*;

2) *-и* (ср. лит. *-ай -ой, -эй*), если основа оканчивается на согласные звуки: *худаг — худаги* (колодца), лит. *худагай*, *уһан — уһани* (воды), лит. *уһанай*, *үхэр — үхэри* (скота), лит. *үхэрэй*. Если имя выполняет функцию сказуемого, то оно принимает в родительном падеже, как и в литературном языке, аффикс *-аэ (-оэ, -эи)*: *уһан худагаэ* (вода из колодца), *тэрэ замаг гэрэи* (тот замок от дома);

3) *-ги* или *-йи* (ср. лит. *-гай, -гой, -гэй*), если основа оканчивается на долгие гласные: *хашаа — хшааги* или *хашаайи* (загородки), лит. *хашаагай*; *дөрөө — дөрөөги* или *дөрөөйи* (стремени), лит. *дүрөөгэй*; *пальтоо — пальтооги* или *пальтоойи* (пальто), лит. *пальтогой*; *дугаа — дугааги* (дуги), лит. *дугаагай*;

4) *-н*, если основа оканчивается на дифтонги: *гахаэ — гахаэн* (свиньи), *нохоэ — нохоэн* (собаки).

Винительный падеж в баргузинском говоре, в отличие от литературного языка, всегда безаффиксальный: *мал манааб* (пас скот), ср. *малые*; *ном абааб* (купил книгу), ср. *номы*; *далаэ харааб* (видел море), ср. *далайе*. Но в этом падеже имена, обозначающие людей, всегда употребляются с аффиксом: *аха абгаэги* (*абгаэйи*) *дуудба* (брат позвал дядю).

Исходный падеж в баргузинском говоре имеет всегда аффикс *-аан (-оон, -ээн)*, ср. лит. *-наа (-ноо, -нээ)*: *хадаан* (с горы), лит. *хадаһаа*.

Частицы личного и возвратного притяжания, употребляемые в баргузинском говоре при именах существительных косвенных падежей, не имеют особых отклонений от норм литературного языка, если не иметь в виду некоторые фонетические изменения, в частности, выпадение в окончаниях конечного слога *-ни*, фарингального *h*: *морим* (мой конь) вм. лит. *моримни*, *мориниш* (твой конь) вм. лит. *мориниши*, *моринаам* (с моего коня) вм. лит. *моринһоомни*, *ахатаэм* (с моим братом) вм. лит. *ахатаймни*.

В первом лице формально совпадают родительный и винительный падежи личного притяжания: род. п. *ахаэм* (моего брата), — лит. *ахымни*; вин. п. *ахаэм* (моего брата) — лит. *ахыемни*; род. п. *гэриим* (моего дома) — лит. *гэрымни*, вин. п. *гэриим* (мой дом) — лит. *гэрыемни*. Также совпадают по форме родительный и винительный падежи возвратного притяжания: род. п. *гэрээ* (своего дома), лит. *гэрэйнгээ*, вин. п. *гэрээ* (свой дом), лит. *гэрээ*.

Об именах прилагательных

Имя прилагательное в баргузинском говоре также не имеет особых отклонений от литературного языка.

В баргузинском говоре встречается своеобразный уменьшительно-ласкательный суффикс *-тхаан*, образованный, видимо, от слова *отхон* (самый младший): *бишииттхаан* (маленький), *һаэхаттхаан* (красивенький)¹.

¹Этот же уменьшительно-ласкательный суффикс употребляется и в эзенкиском языке: *бэеткээн* (мальчишка). См.: Г. М. Василевич. Указ, соч., стр. 791.

Суффикс *-бар* (*-бор*, *-бэр*), выражающий в литературном языке ослабленное качество, в баргузинском говоре не употребляется.

В исследуемом говоре, как и вообще в бурятском языке, усиление качества передается усилительными словами. Часть из этих слов встречается только в баргузинском говоре, например: *төһөөгэи гоё* (очень красивый), *ээжэ баэха һазхан* (очень, чересчур красивый), *үхээн тэнэг* (очень, слишком глуп). Усиление качества передается также при помощи внутренней флексии: *үндэр* (высокий) — *үндыр* (очень высокий), *ехэ* (большой) — *ехы* (очень большой). Усилительные слова типа *маша*, *тон* в говоре баргузинских бурят не употребляются.

О числительных

В баргузинском говоре составные числительные подвергаются сокращению: *дүш наэм* (сорок восемь), лит. *дүшэн найман*, *ная наэм* (восемьдесят восемь), лит. *наян найман*.

Порядковые числительные образуются с помощью суффикса *-дэхи* (лит. *-дахи*, *-дэхи*, *-дохи*): *нэгэдэхи* (первый), *хоёрдэхи* (второй), *гурбадэхи* (третий).

Собирательные числительные, как и в других говорах, имеют суффикс *-лаа* (*-лоо*, *-лээ*): *дүрбүүлээ* (вчетвером), *табуулаа* (впятером). В баргузинском говоре употребляются еще собирательные числительные с суффиксом *-ндаа* (*-ндоо*, *-ндээ*): *дүрбүүндээ* (вчетвером), *гурбуундаа* (втроем).

Разделительные числительные в баргузинском говоре имеют форму *-аад* (*-оод*, *-өөд*): *хошоод* (по два), ср. лит. *хоёр-хоёроор*, *гурбаад* (по три), ср. лит. *гурба-гурбаар*.

О местоимениях

В баргузинском говоре местоимения *бусад* (другие), *бүхэн* (каждый), *бүхы* (все), бытующие в литературном языке, неупотребительны. В нем употребительны местоимения *бодогоор* (мы с тобой) — из *бидэ* (мы) + *хоёр* (вдвоем), *таатогоор* (вы двоем) — *ти*, *ти* (вы и вы) + *хоёр* (вдвоем). В этом говоре есть специальное местоимение третьего лица уважительной формы *бидээрээ* (сами): *Бидээрээ эрээрэйгтүй* (Приходите Вы сами).

Иногда в функции личного местоимения я употребляется слово *хүүн* (человек), например: *Хүүн хүдии хэлхиим* (Сколько я буду говорить), *Хүүни хүүр дуула* (Слушайся меня).

В разряде вопросительных местоимений вместо литературного *хэды* употребляется *хүдии* (сколько). Местоимение *хэн* принимает иногда форму *хэмии* (кто?): *хэмииш?* (ты кто?). Вместо литературного возвратного местоимения *өөрөө* в баргузинском говоре употребляется *биеэрээ* (сам).

Глагол

Глагол в баргузинском говоре не обладает также существенными особенностями, отличными от литературного языка.

Глаголы образуются посредством суффиксов: 1) *-л* (лит. *-ли*, *-ло*, *-лэ*): *мулталха* (сорвать), *зугаалха* (разговаривать); 2) *-т* (лит. *-ти*, *-то*, *-тэ*): *хуртхэ* (хватать всем), *гэтхэ* (пристально смотреть); 3) *-ж* (лит. *-жа*, *-жо*, *-жэ*): *бэежхэ* (пополнить); 4) *-лэ* (лит. *-ли*, *-лэ*, *-лээ*): *нхилэхэ* (качаться, изгибаться), *хотолзо* (извиваться); 5) *-ган*, *-гон*, *-гэн* (лит. *-гана*, *-гоно*, *-гэнэ*): *арбаганха* (размахиваться), *шилблганха* (кривляться),

гримасничать); б) *-бхил*: *эзэбхилхэ* (улыбаться), *соробхилхо* (полюхаться — о пламени).

С помощью суффикса *-уум* (лит. *-һууб*) выражается намерение первого лица совершить действие в ближайшем будущем: *ябуум* (пойду-ка), лит. *ябаһууб*, *еруум* (приду-ка), лит. *ерэһууб*. Суффикс *-ии* (лит. *-я*, *-ё*, *-е*) употребляется с оттенком приглашения или побуждения другого лица (или других лиц) совершить действие: *ябии* (пойдем), лит. *ябая*, *оһии* (пойдем), лит. *сисё*.

Форма обращения ко второму лицу выражает приказание совершить действие: *яб!* (иди!), *гар!* (выходи!), *ор!* (иди!), *ябал даа* (иди), *ерэл даа* (приходи). Данная форма может иметь также оттенок настойчивости, принуждения и образуется с помощью суффикса *-ииш*, *-иит*, *-һиит*, *-тэй*: *ерииш* (приходите), *һууһиит* (садитесь), *хэлэгтэй* (скажите).

Форма обращения ко второму лицу способна также выражать и предложение совершить действие в будущем, при этом употребляется аффикс *-аараэ* (*-срсэ*, *-зэрэй*): *ябаараэ* (пойди), *ерээрэйиш* (приходи).

Что касается формы обращения к третьему лицу, то она выражает требование совершить действие и образуется посредством аффиксов *-а*, *-уужан* (*-үүжэн*), *-уужаг* (*-үүжэг*): *сисэг* (пусть идет), *байгуужаг* (пусть побудет), *байгуужан* (пусть побудет).

В баргузинском говоре, как и в эхирит-булагатском¹, сохранилась пороздельно-желательная форма третьего лица с аффиксом *-тгаэг* (*-тгоэг*, *-тгэиг*): *ястгаэг* (пусть уйдет, уходит). Кроме того, в этом говоре употребляется еще предугрогательно-запретительная форма с аффиксом *-гшаб* (*-гшсб*, *-гшэб*): *алагшаб* (как бы не убили), *идегшэб* (как бы не съели).

Причастная форма. В исследуемом говоре имеются причастия: а) будущего времени, образуемые с помощью аффикса *-ха* (*-хэ*), например: *ерхэ хүн* (человек, который придет); б) причастия прошедшего времени, имеющие аффиксы *-аан* (*-оон*, *-ээн*), *-гаан* (*-гоон*, *-гээн*), ср. лит. *-һан* (*-һон*, *-һэн*), например: *ябаан хүүн* (ушедший), лит. *ябаһан*, *һуугаан хүүн* (сидящий), лит. *һууһан*, *баэгаан хүүн* (стоящий), лит. *баэһан*; в) причастия многократные, оканчивающиеся на *-даг* (*-дог*, *-дэг*): *ердэг* (приходящий); г) однократные причастия на *-гша* (*-гшо*, *-гшэ*): *баэгша* (присутствовавший); д) причастия возможности на *-маар* (*-моор*, *-мээр*): *бутмээр* (осуществимое, возможное); е) страдательные причастия на *-аатаэ* (*-оотоэ*, *-этэй*): *неэлэгтэй* (открытый); ж) постоянные причастия на *-ааша* (*-оошо*, *-ээшэ*): *абааша* (взявший, получивший).

В баргузинском говоре не употребляются причастия завершено-прошедшего времени на *-нхэз* (*-нхоэ*, *-нхэи*), которые весьма распространены в литературном языке.

Деепричастия в исследуемом говоре не имеют отклонений от литературного языка.

Наречие

Наречие в баргузинском говоре имеет следующие разряды:

- 1) образа действия: *илаас* (прямо в лоб, в глаза), *тэмсэн* (сразу же), *һаэса* (хорошенько), *гэнтэ* (вдруг), *һилба*, *била* (вдребезги);
- 2) места: *ураэ* (впереди), *хоэно* (сзади), *дээрэ* (вверху);
- 3) времени: *эгээс* (в самую пору), *малгаар* (завтра), *тугаар* (недавно, сегодня), *недондо* (в прошлом году);
- 4) цели: *зориин* (нарочно), *митиш* (просто так).

Кроме того, в этом говоре также встречаются а) наречия повторы:

¹См.: Б. В. Матхеев. О морфологических особенностях эхирит-булагатского говора. «Сб. тр. по филол.» Вып. 3, Улан-Удэ, стр. 153.

түргэ түргээр (часто, быстро); б) парные наречия: *ишээ тишээ* (туда и сюда), *эндэ тэндэ* (тут и там); в) наречия-усилители: *төһөөгөө найн* (очень хорошо), *юрдөө гоё* (очень красивый); г) наречия подражания: *пүрд* (бултых), *түг-түг* (тук-тук).

Некоторые имена в застывшей падежной форме переходят в наречия, например: *наһаараа* (вечно, постоянно), *доло* (постоянно, много).

Послелог

В баргузинском говоре встречаются почти все послелог, бытующие в литературном языке, за исключением *шэнги* (как), вместо него употребляются *дли*, *шэнэин*; *тула* (за, для), вместо него — *төлөө*; *дотор* (в), вместо него — *соо*; *шахам* (примерно, около), вместо него — *тухаз*.

В говоре бытует послелог *тама* (ср. лит. *бури*), употребляющийся с глаголом будущего времени: *хэлхэ тама сухалдана* (чем больше говоришь, тем больше злится).

Самостоятельное в литературном языке слово *хирэ* (мера, предел) в баргузинском говоре употребляется в роли послелога: *гэр хириин* (примерно с дом).

Послелог обозначают: 1) место: *дээрэ* (вверху), *доро* (внизу), *хоорондо* (между), *дунда* (посредине), *соо* (в); 2) направление: *хуртэр* (до), *тэшиэ* (туда); 3) время: *туриша* (период); 4) цель: *төлөө* (для того, чтобы; за); 5) совместность: *хамта* (вместе), *сугтаа* (вместе); 6) приблизительную меру: *шэнэин* (примерно), *хириин* (примерно); 7) послелог-связки: *хадаа* (есть), *гээшэ* (есть).

Частицы

Самостоятельные в литературном языке слова в баргузинском говоре часто выступают в роли частиц. Кроме того, в исследуемом говоре наблюдается также тенденция к слиянию частиц в одно фонетическое целое, иногда даже образуются самостоятельные частицы типа *гаа* (разве) из *гү* и *аа*.

В потоке речи частицы обычно сливаются с предыдущим словом: *ераам* (приходил).

Вместо вопросительной частицы *гү* (лит.) употребляются *-г* и *-уу* (-уу): *ерээг?* (пришел ли?), ср. лит. *ерээ гү?*, *ябахануу?* (собирается ли идти?), ср. лит. *ябахань гү?*, *ошхуу* (пойдет ли?), ср. лит. *ошохо гү?*, *эдэлхүү?* (будет ли использовать?), ср. лит. *эдэлхэ гү?*, *буудхамуу* (пострелять ли?), ср. лит. *буудахамни гү?*. Вместо вопросительных частиц литературного языка *-б*, *бэ* употребляется *-м*: *хэм* (кто), ср. лит. *хэн бэ*; *хаанаам* (откуда?), ср. лит. *хаанаһааб*; *хэмшии* (ты кто?). В говоре употребительны вопросительные частицы: 1) *бии* (ср. лит. *бы*) с некоторым оттенком удивления: *ябаа бии?* (разве ушел?), *һууна бии?* (разве сидит?); 2) *гаи* (из *гү* и *аа*) с оттенком удивления: *ерээг гай?* (разве пришел?), *хэлээг гай* (разве говорил?).

Частицы предположения: а) *бараэ* — *ерээ бараэ* (не пришел ли), *машина бараэ* (не машина ли); б) *аабз* — частица, состоящая из частиц *аа* и *бээ*: *ераабз* (вероятно, пришел); в) *тххиим* — частица, состоящая из сочетания слова *тиихэ* (делать так, поступать так) и частиц *ха* и *юм*: *ошо тххиим* (наверно, пошел), *хуун тххиим* (наверно, человек); г) *гдаа* — сочетание частиц *гү* и *даа*: *ахам ерэгдаа* (мой брат, кажется, пришел).

Частицы подтверждения: а) *даа*: *энэ зуб даа* (это, конечно, верно); б) *гэи* — частица с некоторым оттенком усиления, представляющая собой, видимо, фонетический вариант вопросительной частицы *гай*: *ерээ гэи* (пришел ведь), *хэлээ гэи* (говорил ведь), *машина гэи* (машина ведь);

в) *бэи* — частица, образованная от сочетания частиц *бэ* и *лэ*: *ерээ бэи* (пришел же); г) *-иуу* — частица, выражающая вероятность совершения действия: *ахш ерээбиү* (должно быгь, тэй браг приехат), *мидэбиү* (должно быгь, узнали); д) *-л* (или *лээ*) — частица подгверждения: *ябил* (ушел же), *ябаа лээ* (ушел же); е) *бэлэи*: *ерээ бэлэи* (приходил ведь), *унгла бэлэи* (спал ведь); ж) *-аан*: *ераан* (приходил); з) *-шим* (ср. юм): *ериим баэна* (пришел, оказывается).

Частицы отрицания: а) *бү*, *бэ*, *ба* (в лит. яз. *бү*): *бэ хэл* (не говори), *ба бари* (не держи), *бү үзүүл* (не показывай); б) *бэшэ*: *тэрэи ном бэшэ*, *тифрадил* (та не книга, а тетрадь); в) *үлэ* — частица, употребляющаяся в сочетании *үлэ мэдэг* (незаметно). Огрицание передается также слезом *үгэи* (нет): *ябхэ* (не пойдэт) — *ябхя үгэи*, *хэлхэи* (не скажет) — *хэлэхэ үгэи*.

Союзы

В баргузинском говоре встречаются следующие союзы: а) *хаэри* (лит. *харин*): *хаэри мэдаам даа* (но я знал же); б) *тэид* (в лит. яз. *теэд*): *тэид халиши* (но скажи); в) *мэн* (в лит. яз. *мүн*): *мэн мэдалм* (но я знал же); г) *-алд* (в лит. яз. *алд*): *хэлхэлд*, *хэлээгиб* (должен был сказать, но не сказал); д) *-г*, *али* (в лит. яз. *гу*, *али*): *ябхг*, *али үгэиг?* (уехали ли нет?).

Союзы *ба* (и), *болон* (но), *һаа* (если) в баргузинском говоре не употребительны.

Междометие

В исследуемом говоре имеются междометия, обозначающие: а) удивление: *һээг*, *ягаабиши!* (эй, что ты делаешь!); б) удовлетворение: *заэ*, *ошиши* (ладно, пойдём!); в) сожаление: *аэ даа*, *хаэран!* (ох, как жаль!); г) сомнение: *хаэ даа*, *ерхүү даа* (вряд ли придет); д) отвращение, разочарование: *пэи*, *ямар муухаэм!* (тьфу, как грязно!)

* *
*

Порядок расположения членов предложения в баргузинском говоре бывает более свободным, чем в литературном языке, например: *Ошоороэл даа гэртээ шиши юумээ худалдажа абаад түргэн хамжаанаан* (Пойдешь домой быстрее, как купишь нужные тебе вещи в магазине). *Баэха гульдижа гэртэши хүүн зон тиштэр* (Пока то да сэ, будет собираться в твоём доме народ). *Баэгаа зон хүлүүбээр дүүрсэ тишхэдэ суглараад* (Тогда было полно в клубе народа).

Приведенные здесь предложения, конечно, не характеризуют синтаксические особенности говора, а представляют лишь примеры, свойственные устно-разговорной речи вообще.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Баргузинский говор является одним из самостоятельных говоров бурятского языка. Баргузинские буряты — эхиритцы по происхождению, переселившиеся в местность Баргузин 300 лет тому назад. Поэтому понятно, что исследуемый говор родственен эхирит-булагатскому. Более того, баргузинский говор сохранил в основном фонетические, лексические и морфологические черты, свойственные западным говорам, и все еще он примыкает к ним. Тем не менее в исследуемом говоре в целом превалируют общебурятские языковые черты. Напримёр, в области лексики расхождения между исследуемым говором и другими бурятскими говорами и литературным языком падают главным образом на производные слова, образованные от общебурятских корней. Вместе с

тем баргузинский говор, как мы попытались показать, имеет и свои специфические особенности.

За годы Советской власти неизмеримо возрос культурный уровень баргузинских бурят. Сейчас Баргузин — край сплошной грамотности. Все грамотное население, говорящее на своем баргузинском говоре, оказывается фактически неплохо знающим и литературный бурятский язык. Поэтому литературный язык доступен ныне каждому труженику. Но местный говор остается прежде всего в речи старшего поколения баргузинцев. Он сохраняется в бытовой речи среднего и даже молодого поколения носителей говора.

В настоящее время особенности исследуемого говора, как категории отживающие, по мере развития литературного языка и взаимного общения его носителей с другими бурятами постепенно теряют свою силу.
